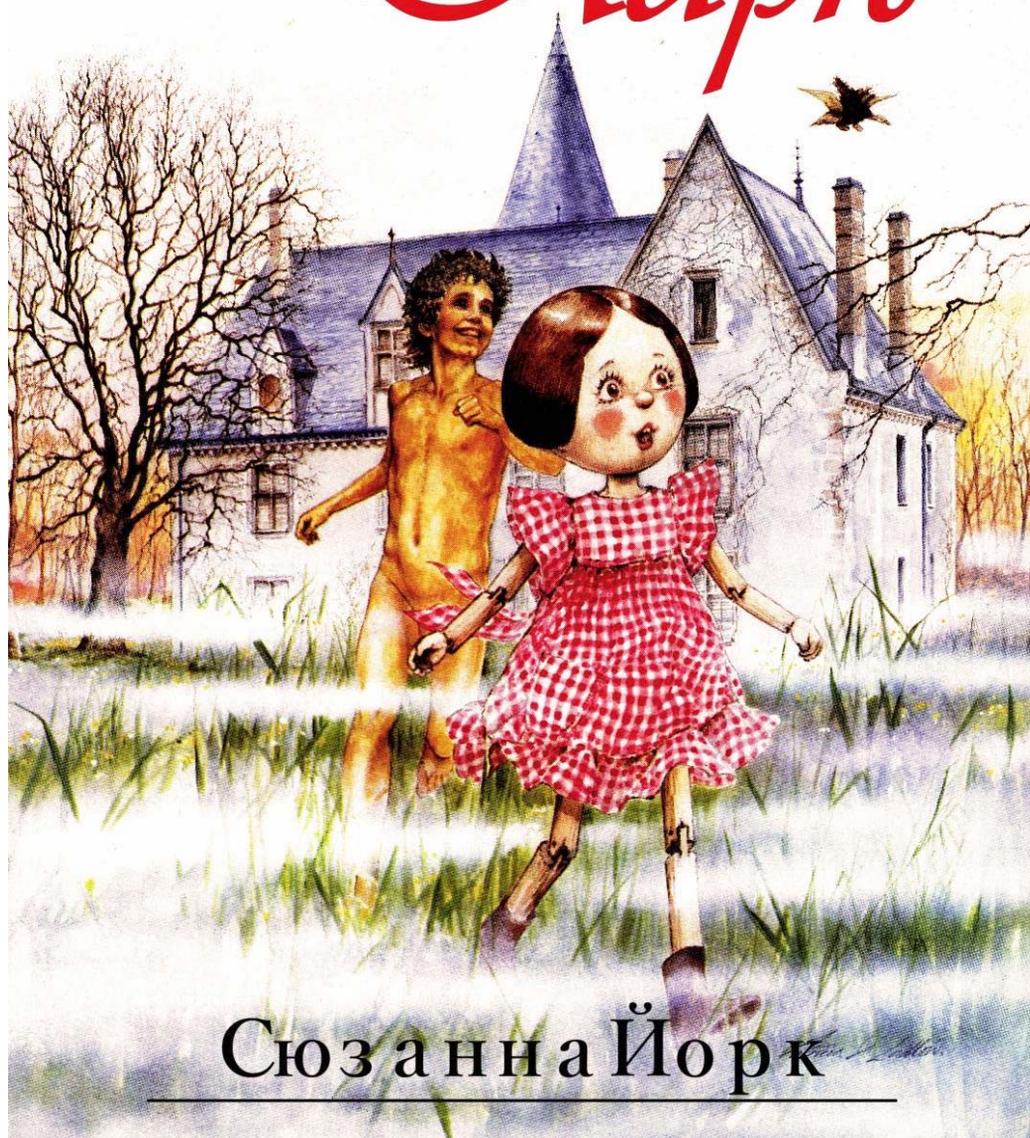

Ваток Ларк

Сюзанна Йорк

Ваток Ларк

Сюзанна Йорк

Иллюстрации Патрисии Ладлоу

*На русский язык перевёл
Григорий Нестеров*

HODDER AND STOUGHTON
LONDON SYDNEY AUCKLAND TORONTO

С любовью, Саше

Ставни на кухне были закрыты, как и все ставни в доме, но Ларк было видно Сару через ламели¹. Маленькая девочка стояла, не двигаясь, и так печально глядела на залитый лунным светом шато², что Ларк захотелось спрыгнуть с камина и выбежать в парк к ней навстречу. «Не переживай, – крикнула бы она, – мы вернёмся!».

Если бы только она была человеком! С тех самых пор, как Ларк вырезали из дерева, её всегда преследовали такие несбыточные желания. Узнать ответы на вопросы, что она не могла задать в школе (Сара всегда брала её с собой в рюкзаке), выкрикнуть идеи, которые она не могла высказать вслух. И позабыть то ужасное чувство, когда не можешь даже взять карандаш или своими руками листать страницы – а ещё бегать наперегонки, играть в догонялки или лазать по деревьям... Но самым ужасным было узнавать так много нового и не иметь возможности ни с кем поделиться – ни с медведем, ни с кроликом, ни с остальными игрушками в кухонном шкафу, который был её домом. Вот, в тысячный раз думала деревянная кукла, что значит быть игрушкой – ты видишь, ты чувствуешь, ты слышишь и думаешь, у тебя даже есть свои собственные желания, но ты никогда так и не сможешь их высказать, не говоря уже о том, чтобы их исполнить.

Но, по правде говоря, не грусть была сейчас на душе у Ларк, прислонившейся к холодному дымоходу, а волнение. Домой, они едут домой! Славные выходные были чудесными, но они закончились, и пришла пора возвращаться.

До Ларк отовсюду доносились звуки собирающейся семьи: она слышала, как Том тащил по коридору свою сумку и выливал воду из банки с головастиком, слышала, как миссис Стем торопливо поднималась по лестнице и спускалась обратно, выбегала наружу и возвращалась вновь, как завелась машина и как где-то внизу в долине деревенские часы пробили полночь.

Щёлк! Мистер Стем выключил электричество, и всё погрузилось во тьму. Маленькое шато (игрушечное шато, как назвал его агент недвижимости, а Сара – замком Ларк), казалось, источало прощальный свет из своих глубин, сокрытых под многочисленными слоями старой краски. Сейчас, подумала деревянная кукла, Сара подхватит её, и вместе они уедут в ночь – через Дьепп, и через Ла-Манш прямо в Лондон. «До свидания, прекрасный дом, – прошептала девочка в парке, – милый, прекрасный дом!».

А потом подняла голову кверху и вскрикнула.

– Эй, смотрите, смотрите все сюда, там, в небе – ведьма! Она летит прямо над дымоходом, верхом на белоснежном гусе!

Она бросилась к своей маме, копавшейся в багажнике, и потащила её через

---

¹ деревянные планки в ставнях

² шато (фр. château) – французское название замка

траву обратно к дому.

– Смотри, её плащ развевается в лунном свете!

– Как здорово, – ответила Джульетт Стем. Она была весьма молодой мамой. – Давненько я не видела ведьм.

И правда, что-то большое и белое колыхалось над крышей. Фермерский гусь? Уж скорее сова. Хотя на ней действительно что-то было – будто гигантская летучая мышь оседлала птицу. Сова, летучая мышь на сове, ведьма на гусе... Том, который не верил ни в ведьм, ни в то, что они могут летать, вышел из машины.

– Вот это да, а ведь Сара права! Это правда ведьма, – присвистнул он.

– Она кружится, она собирается приземлиться! – от волнения Сара подпрыгивала на месте, и когда Ларк изо всех сил вглядывалась в темноту, пытаясь рассмотреть хоть что-нибудь, огромная чёрная туча вдруг заслонила собой луну, и она ничего не увидела, как не увидели ничего снаружи и дети с мамой, а мистер Стем, который возился с двигателем и глядел только под капот машины, кроме него вообще ничего не видел.

– Джульетт, Том, Сара! – взревел он, – ради всего святого, поторопитесь! Мы должны ехать!

– Но папа, там ведьма над дымоходом, и она летит на...

– Мне плевать, пусть там даже дракон, обшитый деревом. Джульетт, посади детей в машину, а то мы опоздаем!

– О боже, Ларк, я чуть не забыла Ларк! – вскрикнула Сара и бросилась бегом обратно в шато, где в это время происходили невероятные вещи.

Ледяной порыв ветер пронёсся по дымоходу, покачнув Ларк так сильно, что она упала с камина прямо в кучу сажу. Хихиканье, больше похожее на крик баньши, пронеслось по дымоходу и исчезло во тьме – в тот самый миг, когда в комнату ворвалась Сара.

Маленькая девочка замерла, ничего не видя перед собой, и в этот самый момент, будто по сигналу, кусок штукатурки упал с потолка ей прямо на голову. Девочка вздрогнула и испуганно схватилась за дверь, не помня себя от страха. Кухня, совсем недавно полная солнечного света и ароматов свежего кофе с бутербродами, в одну минуту обернулась пустым, мрачным местом. И непроглядно чёрным – ни один луч не пробивался сквозь ставни погружённой во мрак комнаты, впитавшей в себя последние отзвуки звенящего смеха.

Дрожая, Сара пыталась нащупать дорогу к камину. Она чувствовала себя неловко из-за своего страха – довольно глупо бояться темноты, тем более,

когда Ларк точно была там.

– Папа! – воскликнула она, когда во тьме возник силуэт её отца с фонариком в руках. – Я не могу найти Ларк!

– Наверное, твоя мама уже упаковала её, – ответил отец и подхватил Сару на руки, словно пушинку.

– Но я поставила её сюда, я точно знаю! Я прислонила её к дымоходу! Папа, пожалуйста, я не могу уйти без Ларк!

– Здесь, я здесь! – кричало всё внутри куклы, – я здесь, в камине!

Но ни Сара, ни её папа не услышали её, и тогда мистер Стем сказал:

– Тогда её наша и забрала мама или Том. Пойдём, Сара, уже далеко за полночь!

Выйдя из кухни вместе с девочкой, он так сильно хлопнул дверью, что шато едва не затряслось до самого основания.

Ларк слышала, как на заднем дворе Сара жалобно кричала «Папа!», а миссис Стем с беспокойством в голосе пробормотала: «мы что-то забыли».

«Меня, меня, вы забыли меня!», – безмолвно кричала деревянная кукла, но ни один звук не нарушил тишину безмолвной ночи, лишь только рык мотора уезжающей машины затихал где-то вдалеке.

Ужасное чувство – иметь внутри себя тысячи невыплаканных слёз и не иметь возможности от них избавиться. Человеку совсем не обязательно плакать, чтобы они исчезли – иной раз стоит хорошенько отвлечься – спеть песню, например, или станцевать, пустить воздушного змея или выкопать клумбу, и слёзы уходят сами по себе. В один прекрасный день вдруг просто оказывается, что их больше нет, и новое утро наступает радостным. Но ничего из этого Ларк сделать не могла, и она чувствовала себя так, словно её сердце вот-вот разорвётся. Больше никогда не ходить вместе с Сарой в школу. Никогда не взбираться на деревья, сидя в кармане её платья. Никогда больше не встретиться с игрушками из посудного шкафа, не ездить на автобусе, не разделять вместе с Сарой её секреты и её слёзы. Сара ушла. Темнота вокруг стала ещё чёрнее.

– Хи-хи-хи, и поделом им, Скайт!

Эрминтруда, последняя ведьма Резе (той части Франции, где находился замок Ларк) уселась на колпак дымовой трубы, что с её стороны было весьма неразумно, ведь колпак, как и всё в доме, был старым и дряхлым, а сама она – весьма толстой и тяжёлой. Её пухлые, бесформенные ноги подёргивались в такт хихиканью.

– Противная, грязная семейка! Противная, грязная девочка, противная деревянная кукла!

Скайт, гусь, которого она похитила из деревни пару столетий назад, тёрся спиной о башню, делая вид, что не слышит. Он хорошо понимал, когда нужно было помолчать. К тому же у него болела спина.

– Замок Ларк, вот ещё, – фыркнула Эрминтруда, – это мой замок, замок Эрминтруды! Он был моим испокон веков. Глупый, мерзкий виконт упустил его, продал мерзкому, глупому агенту. Что ж, хо-хо-хо-хо, Ларк в своём замке, и она никогда из него больше не выберется. Замок Ларк, ха. Свою метлу так назову!

– У Вас её нет, – парировал Скайт, продолжая массировать спину клювом. Всё-таки Эрминтруде стоило сесть на диету.

– Молчи, когда не спрашивают, – замахнулась на гуся ведьма, однако же не ударила – у неё было слишком хорошее настроение, чтобы тратить на него своё время. Вместо этого она поднялась на свои огромные ноги и принялась отплясывать медленный, старомодный и весьма небезопасный для такого места, как крыша, танец среди дымоходных труб.

Чернота, чернее самой чёрной черноты. Ларк по пояс погрязла в саже, и она едва могла разобрать очертания – только и видно, что стропила, сплошь покрытые паутиной. Возможно, где-то рядом были пауки, и хотя Ларк не особенно их любила, сейчас она была бы рада даже им – кому угодно, кто избавил бы её от одиночества и бесчисленной армады слёз, собравшихся глубоко внутри. Мистер Стерн всегда жаловался на мышей – пусть же мимо пробежит хотя бы одна малюсенькая мышка! Хоть кто-нибудь!

И в этот самый момент рядом с Ларк появилось нечто удивительное.

Оно появилось не само по себе, а будто свалилось откуда-то сверху – скорее всего, упало вниз через дымоход. Бум, бах, грох! Вот оно катится и

громыхает, скачет всё дальше и дальше вниз, но нет, затихло, будто застряло... Что же делать? О, счастье, оно движется снова, ещё секунда – и шлёп! – оно упало прямо Ларк на колени.

Что-то твёрдое, это точно – маленькое и твёрдое – неужели простой камень? Но вдруг ослепительное голубое сияние осветило всё вокруг, будто взрыв из тысяч осколков стекла озарил темноту брошенной кухни, и Ларк, беспомощно лежащая в копоту, внезапно ощутила странное покалывание в ногах. Ощущение было такое, словно мириады муравьёв, появившихся из ниоткуда, разбегались от кончиков пальцев вверх по щиколоткам, коленям и бёдрам – всё выше, выше, выше..

Тысячи крошечных невидимок миновали живот и оставили позади горло, отправившись через шею к щекам, ноздрям и глазам Ларк, рассеиваясь во все стороны и проникая в каждый кусочек её деревянного тела, пока она не почувствовала себя удивительно, невероятно, до крика живой.

Дуновение прохлады охватило её горло, она уже дышала частыми, слабыми вздохами, и осколки голубого света всё так же отбрасывали на неё своё сияние. А далеко наверху, из дымохода, раздавались громкие и жуткие звуки, эхом разносясь по всей кухне.

– Дырявые карманы, чумы на них нет! А этот проклятый дымоход! Потеряла Лайфстоун, потеряла мой Камень Жизни! – снова и снова раздавался пронзительный голос, и если бы Ларк и без того не была взволнована, она бы ужасно испугалась. Её рука внезапно взметнулась прямо к голубому свечению, а затем вновь упала в чёрную пудру копоту, и Ларк почувствовала мягкость сажу, ни с чем не сравнимое ощущение мягкой, влажной сажу в её пальцах. «Я чувствую! Я могу, могу чувствовать!» – раздался вдруг ясный, звонкий голос, и Ларк с волнением осознала, что этот крик вырывается из её груди.

От удивления Ларк вздрогнула. В складках своего потёртого комбинезона она наконец увидела то, что вызвало эти невероятные перемены. Крошечный камень, ярче, чем сапфир в кольце миссис Стерн, голубее самого чистого неба и самых ясных глаз.

Искры света, разлетающиеся вокруг Ларк, отскакивали назад, словно притягиваемые неведомой волшебной силой обратно к камню. Как взрывающаяся звезда, Камень Жизни вдруг побледнел, и становился все бледнее и бледнее, пока не стал ничем иным, как довольно симпатичной, но совершенно обычной галькой, которую можно найти на любом пляже.

Луна выскользнула из-за облаков, словно теннисный мячик, и осветила позеленевшее от страха лицо Эрминтруды.

– Гадючьи языки, икра тритонов! – прокаркала она в ужасе. – Я должна спуститься и найти его! – Ей было страшно даже подумать об этом – ведь там так темно и тесно – но что поделывать? Тысячи лун назад она выкрала Камень Жизни у могущественного волшебника, и она знала, что стоит росе высохнуть дважды до тех пор, пока она не возьмёт его в руки снова, как тут же потеряет всю свою силу. Ибо как только Лайфстоун обретёт нового хозяина, прежний в то же мгновение вновь станет смертным, а значит, она сможет умереть от старости, болезни или от несчастного случая.

– Вот и всё, последняя ведьма Резе! – зарыдала Эрминтрунда и у Скайта, который был весьма легковозбудимым гусём, едва не случилась истерика. Громкое хихиканье разнеслось по всему парку, и вид хохочущего, сверкающего в лунном свете клюва стал для ведьмы последней каплей – с воплем она упала с дымохода и покатилась к желобу. И если бы Скайт был гусём без совести, история про замок Ларк была бы совсем другой – но совесть у него присутствовала, а потому, когда Эрминтрунда повисла, зацепившись за желоб, он спустился и спланировал прямо под её ноги. Эрминтрунда со стоном разжала пальцы (она и так уже собиралась это сделать), и вместе они вернулись на крышу.

– Дубина! Болван тупоголовый! Я тебе покажу, как ухмыляться! О да, смейся, смейся над моим несчастьем, смейся над моей бедой! Кому ты обязан жизнью, ты, блохастое подобие метлы? Кого ты должен благодарить за свои двести с лишним лет? Меня, Эрминтроду, Хранительницу Лайфстоуна, последнюю ведьму Резе! Сухарь, кость обглоданная, ты нуждаешься в этом камне не меньше меня!

И это было правдой, Скайт действительно нуждался в Камне Жизни так же сильно, как и ведьма, потому что он очень хотел жить, даже если жизнь для него означала Эрминтроду. Князей и крестьян, всех прочих гусей, что Скайт когда-либо знал, давно уже забрало и унесло в Великое Запределье, и одна лишь мысль об огромной тёмной двери внутри него до смерти пугала его. К тому же, он даже не был уверен, было ли вообще это Великое Запределье, а потому он замолчал, пристыжено опустив свой клюв. Внимание ведьмы вновь вернулось к дымоходу.

– Камень, камешек, фить-фить-фить, прыгай ко мне скорей! – насвистывала она, но тщетно: тускло поблёскивая, Камень Жизни в этот момент лежал на коленях у Ларк, прислушивавшейся к происходящему на крыше. Медленно, неуверенно, она поднялась на ноги – о чудо, она может двигаться! – и затем, пока она стояла, дрожа от волнения посреди покрытой мраком кухни, из трубы вдруг слышались стоны, кряхтенье и ворчание, как будто владелец

ужасного голоса начал спускаться в трубу.

Так и было, ведьма действительно спускалась, только застряла, не дойдя и до половины.

– Вы не сможете спуститься, Эрминтруда, – произнёс Скайт, вытащив её из трубы, – Вы много лет этого не делали. И, раз уж я поднял эту тему, Вам бы лучше сесть на диету.

– Не дождёшься, – огрызнулась Эрминтруда. – Полезай сам тогда внутрь, раз ты такой мешок с костями.

Скайт поглядел в трубу и пожалел, что не держал свой клюв на замке. Однако он был слишком горд, чтобы отказаться, а кроме того, как метко заметила Эрминтруда, Камень Жизни был нужен и ему. Скайт зажмурился и сделал отчаянный прыжок...

...и секундой позже пробил своим телом воронье гнездо, давно поросшее паутиной, врезался в летучих мышей (которые его всегда пугали: мыши – и вдруг летают, было в этом что-то колдовское), ушиб крыло, вывихнул лодыжку и больно ударился клювом, приземлившись наконец в камине, где, задыхаясь, принялся бултыхаться посреди золы, разбрасывая всюду перья, паутину и сажу.

– Развалина, вот я кто, нервная развалина! – гусь поднялся на ноги, отряхнулся и осторожно огляделся. Сквозь ставни теперь проникал лунный свет, и Скайт увидел на каминной плите Ларк: на её лице всё ещё был испуг, но теперь на нём отразилось облегчение.

– Ууфффф!

Скайту не особо понравилось такое волнительное приземление, и ему было больно, но теперь он сказал только:

– Я в порядке, благодарю.

– Я рада. Это звучало очень жутко! И ещё я боялась, что это ведьма.

– Эрминтруде, моей хозяйке, это бы не удалось, как бы ей ни хотелось. Моё имя – Скайт.

– А моё – Ларк. Так ты... эм... её слуга? – Гуси ведьмы... опасны ли они?

– Друг и доверенное лицо. – Скайт не собирался сообщать этой любознательной кукле, что будь он метлой, Эрминтруда и то обращалась бы с ним лучше. – Я её перевожу... однако не суй нос не в своё дело.

– Хорошо, не буду, – кивнула Ларк, хотя и подумала, что гусь был довольно грубоват. – Мне просто не доводилось прежде знать ведьм или гусей, а ещё у тебя на левом глазу паутина.

– Да? А теперь?

– Постой, не двигайся... Ох, да ты весь грязный. Хочешь, я тебя почищу?

– Эй, гусь, свинья ты такая, живо возвращайся с моим Лайфстоуном!

– Ууу, до чего противный голос! Да и сама она не лучше! Кстати, про голос...

– да, голос – как вообще кукла могла говорить? Но не успел Скайт это обмозговать, как Эрминтруда заревела вновь.

– Последний раз предупреждаю, Скайт, не то я разделаю тебя живьём!

– В два счёта. На месте. Боже, боже, она станцует на моих бедных перепончатых лапах! А всё из-за чего? Следила бы лучше за дырками в карманах, вместо того, чтобы отплясывать джигу!

– Отплясывать джигу?

– Да, видишь ли, если она тебя добудет, план сработает, то-то она будет тогда злорадствовать... – гусь густо покраснел и быстро сменил тему. – Я ищу камень. Обычный, довольно маленький, совсем ничего особенного. Камень как камень, просто он упал в трубу, может, ты его видела.

Так значит, это Эрминтруда виновата в том, что Сара оставила её! Это не простая случайность, а часть грандиозного волшебного плана!

– Я помогу тебе найти его, – сказала Ларк, крепко обхватив пальцами Лайфстоун. Конечно, она вовсе не собиралась теперь от него отказываться, и пока Скайт копался у решётки, она только разгуливала вдоль и поперёк сквозь облака сажи, вглядываясь в трещины на каминной плите.

– Скайт, кошачий потрох, чем ты там занят? – завизжала Эрминтруда. – Ты что-то замыслил, нутром чую! Неси мой Камень Жизни сейчас же!

– Ох-ох-ох. – Принялся стонать Скайт, хлопая крыльями и бегая туда и обратно по комнате. – Я не могу вернуться, о, мои нервы, о, эта труба, как я несчастен, как я страдаю! Я не могу вернуться без Лайфстоуна, она убьёт меня, если я его не найду, убьёт!

– Она не может убить тебе, ты ей нужен! Ведь ты – её друг и доверенное лицо. Ты её перевозишь... ей без тебя не обойтись! – убеждала гуся Ларк, пытаясь угнаться за Скайтом, который хоть и знал, что она права (ведь Эрминтруда давным-давно потеряла способность летать на метле), утешаться никак не хотел.

– Нет, нет, нет, я должен найти этот камень! Ох, этот дымоход – моя смерть! Камень Жизни, Камень, ради луны, яви мне своё сияние! Ах, если бы отсюда был другой выход!

– Он есть!

– Не говори глупостей. – Скайт наконец-то замер и остановил свой взгляд на Ларк. – Если из этого шато был бы другой выход, даю хвост на отсечение, Эрминтруда знала бы о нём. Она сюда который год пытается попасть!

– А зачем? Что в этом шато такого важного?

Что важного! Скайт недобро ухмыльнулся. Уж он-то точно знал, что Эрминтруда хотела нанести визит всем тем несчастным игрушкам, которые она заперла на чердаке, хотела царапать их и щипать, выкручивать им руки и злорадствовать, зная, что они не могут дать отпор. Она жаждала растоптать их и станцевать на их обломках, совсем как делала это раньше, когда ещё была молодой, стройной, могущественной и способной спуститься в дымоход. Только вот Скайт не собирался рассказывать всё это маленькой любопытной кукле.

– Но я думала, что ведьмы могут то, что людям неподвластно. Почему она просто не влетела в окно, когда здесь были Стерны?

– Я не знаю. Не знаю, она боится людей, вот почему. У них есть какая-то сила, которой нет у ведьм, только не спрашивай меня, какая – я понятия не имею. В любом случае, – отрезал он, – ты самая любопытная персона, из всех, что я когда-либо встречал! О, мой клюв и хвост, где же этот Камень Жизни. Она вырвет мне все перья из хвоста, если я вернусь без него.

Ларк не стала напоминать ему, что от хвоста у него и так осталось одно-единственное пёрышко. Она вдруг начала чувствовать себя немного виноватой.

– Ну как., полегчало тебе? Пойдём, я покажу выход, – она быстро повела Скайта прочь, чтобы не сделать какую-нибудь глупость – как, например, показать гусю Камень Жизни – и вместе они выбрались из освещённой лунным светом кухни в каменный коридор позади. Чуть дальше напротив была дверь.

– Столовая. Миссис Стерн забыла закрыть ставни. Она всегда что-нибудь забывает.

Столовой эту комнату назвал агент недвижимости, но у Стернов она стала центром дома. Они обедали здесь только когда шёл дождь (обычно обеда устраивались на свежем воздухе), но и в любое другое время комната всегда была полна жизни. Дети здесь рисовали, писали, читали, Том выхаживал здесь головастика и строил модели самолётов, у Сары здесь был устроен собственный зоопарк с ящерицами, мышами и мохнатыми гусеницами, а мистер Стерн готовил ночью стейки на открытом огне.

Здесь было много дубовых панелей, напротив камина – ещё одни двери, большие двойные – и окна с обеих сторон: одни выходили на заросший фруктовый сад за замком, а другие – на парк напротив.

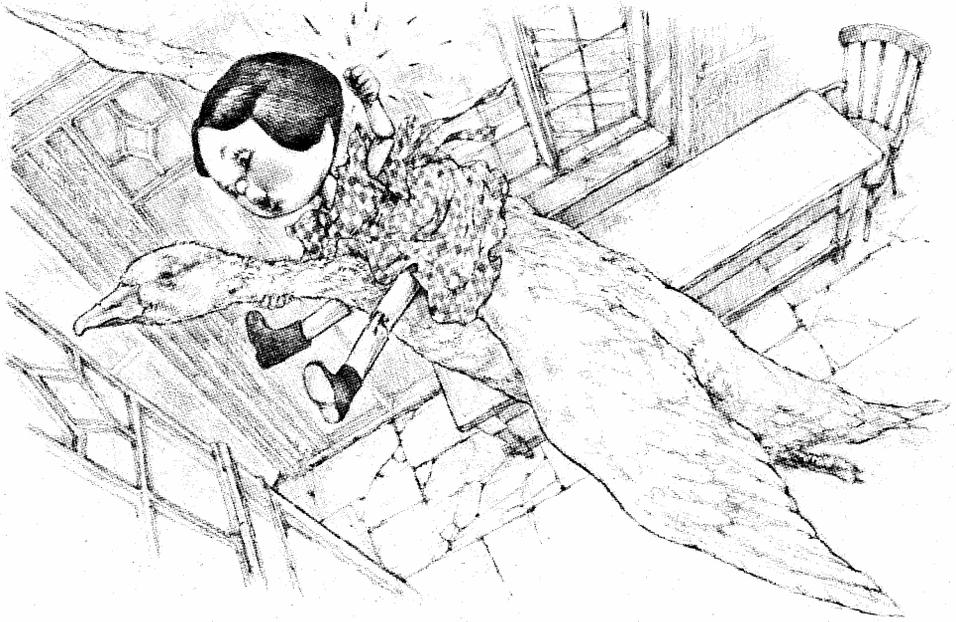
Именно на этих окнах миссис Стерн и забыла закрыть ставни, но Скайт не нуждался в подсказке – едва завидев стол у подоконника, он тут же запрыгнул на него, взволнованно вскрикнув.

– Хо-хо-хо, ещё один выход! Другой выход, другой вход, подожди, пока я скажу Эрминтруде! Она может сама прийти к игрушкам, может сама искать свой Лайфстоун! Ху-ху, ху-ху, кто здесь майский король, кто съест на завтрак большую тарелку свежей травы? Скайт, Скайт съест!

– Нет, нет, нет! Ты не должен говорить ей, – вскрикнула Ларк испуганно. – Я знаю, она хочет меня поймать!

Скайт выругался. Только удача повернулась к нему лицом, и вот, снова палки в колёса. Но кукла была добрая. Стоит ведьме проникнуть внутрь, как она тут же засунет её в свою коробку, сделает своей игрушкой, своим наслаждением. Он последовал зову совести.

– Забирайся, – гусь спрыгнул на пол и подставил Ларк свою спину. – Подброшу тебя до подоконника.

В животе Ларк подпрыгнуло, когда они взлетели.

– Сделай один круг по комнате, хотя бы один! Ты такой мягкий, а это чувство, будто... будто...

– Летишь. – Ворча, но всё же польщённый, гусь пронёсся над каминной полкой, взмахнул вверх к самому потолку, а затем резко спикировал и финишировал у карниза, довольно ухмыляясь в ответ на её восторженные взвизгивания и вздохи.

– Ах, как здорово, здорово, Эрминтруде так повезло! – Они приземлились, запыхавшись, Скайт выглядел очень довольным.

– Ты весьма неплохо держала равновесие для первого раза. А теперь, когда я уйду, тебе надо будет закрыть за мной окно и скатиться вниз по ножке стола. Получится у тебя, как думаешь?

– Да... Скайт. – Ей не хотелось, чтобы он уходил. – Скайт, я хотела спросить, что, по-твоему, у людей может быть такое, что не подвластно ведьмам? Чего Эрминтруда так боится?

– О, мой хвост и клюв, я не знаю! Вопросы, вопросы, ты не боишься, что твой маленький мозг не выдержит и выскочит из твоей блестящей деревянной головы? – Он открыл окно клювом и замер на подоконнике.

– Мне пора. Как, ещё раз, тебя зовут? – обернулся Скайт напоследок.

– Ларк, – ответила Ларк печально.

– Что ж, прощай, Ларк, – сказал Скайт и исчез.

Она снова осталась одна.

Эрминтруда с фырканием проснулась. Единственный взгляд на Скайта сказал ей всё, что она хотела знать.

– Дурак тыквоголовый! Кретин! Вернулся, без Камня, а? Жалкий, паршивый, тупоголовый скелет, неужели ты не понял, что Камень у этой куклы!

Вокруг пальца. Ну да, конечно. Как ещё объяснить ходячую, говорящую куклу? Скайт почувствовал раздражение и боль, будто Ларк предала его.

– Гуси не должны быть умными, – надулся он, – а Вы к тому же морите меня голодом. Как я могу думать натошак? Если Вы позволите мне поесть свежей травы, я, пожалуй, и смогу показать, на что способен. Трава – отличная пища для мозга, все это знают.

Разумеется, никто в здравом уме не станет отказываться от Камня Жизни, это ему было ясно. И ещё Камень должен быть найден, это он тоже прекрасно понимал. И уж точно он ни за что на свете не спустится во второй раз в эту трубу.

– Ты должен спуститься во второй раз в эту трубу, – приказала Эрминтруда. Скайт выставил вперёд свой клюв.

– Вы можете заставить меня снова залезть туда, госпожа, – произнёс он дрожащим голосом. – Но Вы не сможете заставить меня вернуться обратно с Камнем Жизни. Вы никогда не станете достаточно худой, чтобы спуститься за мной, а я могу оставаться в замке сколько угодно. – Удивлённый своей внезапной смелостью, гусь отпрыгнул на безопасное расстояние.

Эрминтруда задумалась. Она была древней ведьмой – такой же древней, как сами холмы вокруг замка Ларк – и в былые времена невероятно могущественной – но теперь даже самая элементарная магия давалась ей с трудом. Если Скайт попадёт в замок, он окажется вне её контроля.

– Глупая, глупая Эрминтруда – пронюнила она. – Эрминтруда совсем не думает! – прошло немало времени: первая роса почти высохла, и уже следующая станет для неё забвением.

– Почему бы Скиттикинсу не поискать себе мокричек? Пусть порадует себя доброй грудой личинок, а потом мы сможем обсудить всё за завтраком! – не дожидаясь ответа, она повернулась на другой бок в своем проеденном молью плаще и снова начала храпеть.

Первое, что сделала Ларк, когда ушёл Скайт – это заплакала. Все слёзы, что появились после полуночи – слёзы о летних днях и слёзы о школьных буднях, слёзы об играх в парке, которые она пропустит, горькие слёзы о Саре и о том, что она больше не принадлежала ей – все эти слёзы рвались из неё наружу и никак не хотели останавливаться. Хотя совсем недавно ей хотелось крикнуть: «Мы вернёмся, Сара, мы вернёмся!» она знала, что это неправда; случайная реклама в начале пасхальных каникул: «Проведите чудесные выходные в

замке», и месяц тишины, который был нужен мистеру Стерну, чтобы закончить книгу – когда это снова произойдет?

Конечно, для большинства это вообще не стало бы чудесными выходными: вода из колодца, электричество отключают по несколько раз на дню, а ещё донельзя обветшавшая мебель, протекающая всюду и постоянные сквозняки. Единственный способ сохранить еду прохладной – хранить её в больших каменных кувшинах, ночью можно читать лишь при свете масляной лампы, спать – на стёганных одеялах с гусиным пером, чтобы не ощущать под собой комковатые матрасы, заброшенный парк с травой по пояс и пустынный фруктовый сад. Семья Стернов любила каждый уголок этих заросших, потерянных руин, и Ларк любила тоже, но она никогда в жизни не захотела бы остаться здесь одна.

И как она сможет выбраться, как она избежит Эрминтруды? Как вообще она сможет вернуться в Баттерси? В эти моменты, когда она училась плакать, жизнь виделась ей ужасно печальной и одинокой.

Но это была жизнь.

Жизнь! Разве это не именно то, чего она всегда хотела?

Она неуверенно поднялась на ноги и взгляделась в глубину парка. Луна

спустилась к горизонту, её блестящие пальцы испещрили небо... И внезапно кукла ощутила, что это не конец, а начало – начало какого-то великого и загадочного путешествия. Приподнявшись на цыпочках, Ларк потянула окно на себя. Безопасно! По крайней мере, пока. Затем она соскочила на стол, соскользнула по его ножке и с грохотом приземлилась на пол.

В какую сторону идти?

Большие двойные двери были едва заметно, заманчиво приоткрыты. Ноги Ларк дрожали, и пол, казалось, растягивался на многие мили, но она всё-таки прошла их и наконец попала в коридор. Внутри него была парадная дверь, напротив неё – ещё одна, которая вела в кабинет мистера Стерна. А ещё дальше, вниз по коридору, огромная, невероятно красивая каменная лестница взметалась вверх к самой вершине башни. Ларк застыла на месте, не отрывая от лестницы глаз, и сердце в её груди неистово заколотилось. Она несколько не сомневалась, что к этой лестнице её ведёт само приключение.

Скайт прекрасно проводил время в саду. Черви были самыми толстыми, а жуки – самыми вкусными за долгие годы, а под яблонями, пробиваясь сквозь кусты ежевики, росла самая зеленая, самая нежная трава во всей Франции. Изобилия хватало на всех. Вокруг Скайта сновали воробьи, синицы, скворцы и зяблики, все вокруг трещали и щебетали без умолку, что-то поклёвывая и проглатывая, словно приглашая его всем своим видом на грандиозный завтрак. Скайт вдруг ощутил то, чего не ощущал уже много лет – он почувствовал себя молодым.

Он забыл об Эрминтруде, он забыл о Лайфстоуне, он просто бродил туда-сюда среди своих братьев, радостно гоготал, жадно клевал насекомых и снова издавал свой победный клич.

Бам, бам, бам! Одно дело – дойти до лестницы, а вот подняться по ней – совсем другое. Ноги Ларк упрямо отказывались делать то, что она хотела – бежать вверх одновременно. «Шевелитесь, глупые деревяшки!», – закричала она и, раздражённо топнув ногой, больно ударилась пяткой.

Ноги, в общем-то, были не виноваты – им просто не хватало практики. Ларк остановилась, чтобы дать им отдохнуть, и присела на ступеньки. Она с радостью любовалась бы на разливающуюся над фруктовым садом зарю, но единственное окошко в башне было слишком высоко, поэтому она просто слушала трели птиц снаружи и думала о том, как было бы прекрасно, если бы вместо ног у неё были крылья.

На сытый и довольный желудок Скайт принялся размышлять о том, когда он последний раз пробовал свежую и зелёную траву. Зелень ввергала в Эрминтрунду ужас – она была уверена, что от травы становятся мягкими, а ей совершенно не нужно было, чтобы Скайт стал мягким – и потому, пока он

раскусывал и чистил для неё горы личинок, ото всех её полуночных пиршеств с ящерицами и жабами ему никогда не доставалось больше пары вязких червей, да, быть может, небольшой мокрицы на десерт. Свежая трава возымела весьма любопытный эффект – Скайт вдруг с особым теплом подумал о любопытной деревянной кукле и от души пожелал, чтобы Эрминтрунда не свалилась с дымохода.

Вполне возможно, это приключение проведёт её через всю Францию, а затем, преодолев Канал, перенесёт прямиком в Баттерси. Ларк знала о волшебных коврах-самолётах всё, что только можно, ведь они часто встречались в играх Сары, и у неё появилась греющая мысль, что она сможет найти такой на вершине башни. Ноги теперь слушались её прекрасно – взволнованно дыша, Ларк достигла пролёта. Коридор вёл к трём большим спальням, а в конце, где он сходил с задней лестницей, располагалась старомодная ванная со старомодным и нерабочим душем. Но приключение и ковёр-самолёт ждали Ларк выше, и – её сердце застучало сильнее – она оставила второй этаж позади и продолжила подниматься.

Верхний этаж Стерны вообще не использовали. В первый же день Сара встретила здесь летучих мышей, и ей они понравились не больше, чем Скайту. Одна из них появилась теперь перед Ларк: резко вынырнув из темноты башни и повиснув вниз головой на каменной балюстраде, она комично вылупилась на куклу.

– Привет! – это была первая живая душа, что встретила Ларк на её пути, но та лишь бессмысленно проскрипела в ответ и вновь растворилась во тьме. Ларк вздохнула. Как видно, летучие мыши не разговаривают с куклами, и, быть может, остальные животные тоже. Все, кроме гусей. Но Скайт был гусь ведьмы, так что, наверное, он какой-нибудь волшебный... надо спросить его в следующий раз.

Майский король, Его Величество Скайт,
изволил откусать, чему очень рад,
желудок мой полон, но разум мой чист,
как солнце на небе – Скайт так же лучист!

– Ах, жизнь прекрасна, солнце такое чудесное, деревянная кукла тоже чудесная, а Эрминтруда чудеснее всех на свете – только взгляните, как она балансирует там на крыше, храпя, как гигантский паровоз! – Глуповато улыбаясь, Скайт сунул голову под крыло и в полудрёме услышал, как сквозь солнечный свет пробиваются звонкие, высокие детские голоса.

Которые не дали поспать ему и минуты. С испуганным воплем гусь распахнул глаза, а затем, неловко покачиваясь, высунулся из густоющей

ежевики. Пять или шесть фигур прыгало по парку, крича и зовя – деревенские дети всегда встают рано. Том и Сара часто играли с ними – должно быть, они сейчас взобрались на их ворота.

И это совсем не его дело. Гусь деликатно рыгнул, а затем, устроившись на траве под палящим, жарко припекающим его спину солнцем, предпринял вторую попытку уснуть.

Голоса... голоса? Ларк замерла на верхней площадке. Голоса в Замке Ларк, когда он пуст и заперт? Да, и они здесь, на втором этаже, где-то там за углом – дальше вниз по коридору! Тихие, бормочущие что-то голоса. Она не могла разобрать ни слова.

Свет, отражённый покатою крышей, создавал большое яркое пятно в месте, где коридор встречался с пролётом. Ларк тихо подкралась к нему и напрягла свои глаза, вглядываясь в темноту: вдоль половиц пролетел жук, затем мимо пронеслась мышь, и в этот момент кукла вспомнила оборонённую вчера – как давно, целую ночь назад! – мистером Стерном фразу «дракон, обшитый деревом». Она почти поверила, что из трещин в стене вдруг появятся зелёные головы с высунутыми красными языками, но никто не появился – да и с чего бы, ведь голоса были человеческими, и в них не было совершенно ничего необычного и волшебного – кроме того только, что они здесь были. Она должна найти их, она должна спешить, и ей ни в коем случае нельзя шуметь, чтобы они не испугались и не убежали.

Ларк обнаружила четыре комнаты и обошла их одну за другой. Все они оказались кладовками – тёмными, тесными кладовками, по одному крошечному окну на крышу в каждой. В былые времена здесь, должно быть, располагалась прислуга, но сейчас они были просто заброшенными комнатами, в ещё худшем состоянии, чем всё остальное в замке. В каждой стояли маленькие железные кровати, стены обвивали ржавые трубы, потолки сплошь покрыли облака паутины, пыль вдоль плинтусов была полна крошек облупившейся краски, а в одной или двух комнатах обои полностью отошли от стен и повалились огромными цветочными арабесками на пол.

И всё это время Ларк приближалась к голосам.

Ларк шла всё дальше по коридору, но там, где ему полагалось закончиться, он вдруг резко повернул в сторону, открыв перед ней чёрное, зияющее пространство. Отсюда, словно порывы ветра, доносились обрывки чьих-то голосов, и Ларк шагнула во тьму, осторожно двигаясь им навстречу и затаив дыхание: половые доски были ужасно шаткими и прогибались даже под её небольшим весом, словно по ним никто не ходил уже долгие годы.

Затем она разобрала слово, вынырнувшее, словно рыба из океана звуков – французское, с грубым деревенским акцентом здешних мест. Ларк и сама была француженкой, хоть и не помнила этого – бретонский крестьянин вырезал её из дерева, а мама Сары купила её на ярмарке ещё до рождения дочери.

– *Partis...* – услышала Ларк. – *Viendront plus.* – «Уехали. Они не вернутся».

– И даже не сказали, – прозвучал второй голос.

– Они не наши, – ответил третий, и Ларк вдруг узнала этот голос – Филип, мальчик, с которым Том часто ходил ловить рыбу. Дети с фермы! Что они делают здесь, в шато?

– Хотела бы я... – Ларк не смогла разобрать, что же хотела Лотти, потому что Филип резко оборвал сестрёнку: – нет, нельзя, даже если она и там, тебе нельзя её брать!

Что они там делают? А главное, как они сюда попали? Ферма начинается прямо у ворот замка, и Том с Сарой каждое утро бежали через парк за молоком, яйцами, хлебом и сыром. Они много времени проводили с детьми с фермы: шестью или, может, семью ребятами от трёх до двенадцати, грязными, милыми, краснощёкими, в поношенной одежде, перешедшей от старших и совсем без игрушек – кроме разве что тех, что они могли себе сделать сами. Бывало, и не раз, Лотти играла с Ларк – наверное, она хочет найти её и отправить Саре посылкой!

В волнении от этой мысли маленькая кукла бросилась бежать навстречу детям, но – бам! – стена преградила ей путь, и она, ударившись, упала. В ту же секунду по замку прокатилось слабое эхо деревенских часов.

– *Zut!*¹, – услышала она восклицание Филипа за стеной. – Мы опоздаем на школьный автобус! – Прямо над Ларк распахнулась дверь, и вырвавшийся из неё свет осветил порог.

– Живее, оставьте всё, придём потом ещё! – всё ещё не придя в себя от удара, Ларк будто сквозь дымку видела, как дети, словно на крыльях, проносятся над ней легко и проворно, скачут по половицам, зная, куда наступать... и когда отголоски эха смеющихся, толкающихся, спешащих детей растворились далеко позади, Ларк поднялась, споткнулась о порог и

---

¹ Чёрт (фр.)

оказалась внутри огромного чердака.

И тогда она внезапно громко рассмеялась – первый раз за всю свою жизнь.

Должно быть, именно это и разбудило Эрминтруду на дымоходе.

– Завтрак, ммм, завтрак... – пробормотала она. – Зыаав... где этот безмозглый гусь? Скайт! Ска-а-а-айт! – но Скайт не откликнулся, потому что спал в саду глубоким, сладким, пьяным сном, какой может быть только у Его Величества.

– Скайт, скотина ты бесхребетная! – В ужасе Эрминтрунда вдруг схватилась за голову. Лайфстоун! Она почти о нём забыла!

– Скайт, Скайт! – завопила ведьма, но в небе не было ни пёрышка – как и на крыше замка или в парке среди вязов.

– О, – принялась стенать Эрминтрунда, – помоги бедной, несчастной женщине, которая больше никогда не шикнет ни на одного гуся, помоги старой доброй ведьме, которая никогда никому не причинила зла! О, боль, о, муки! – надрывалась она. – Сначала лишилась Лайфстоуна, а теперь и мой верный гусь оставил меня – мой гусь, моя верная метла!..

– У Вас её нет, – сквозь сон пробормотал в саду Скайт, и Эрминтрунда, которая была не только подслеповатой, но ещё и глуховатой, не поняла, откуда идёт звук, и повернулась не в ту сторону – туда, где с полдюжины мальчишек взбирались на ворота парка – но ведьма решила, что то были ежи.

– Ла-ла-ла-ла, – раздалось со стороны яблонь, и, развернувшись, Эрминтрунда увидела у кустов ежевики большое, ритмично покачивающееся белое пятно.

– Как солнце на небе – Скайт так же лучист! – пропело оно, и Эрминтрунда в секунду побагровела. Пьян, гусь был пьян! Похоже, пока она спала, он до отвала наелся сочной, зелёной травы, и эффект не заставил себя долго ждать.

– Оставлена! – завизжала ведьма. – Брошена, покинута! – кто знает, когда он теперь протрезвеет, он может отплясывать и распевать так всю неделю! Как бы то ни было – у неё задрожали колени при одной только мысли – теперь ей в одиночку придётся спуститься с крыши и скорей привести гуся в чувство, а не то не видать ей Лайфстоуна и бессмертия.

– Несчастливая ведьма! – взвыла Эрминтрунда! – Такой риск... для доброй старой женщины!... Ах, соберись! – приказала она себе. – Доверься водосточной трубе, Эрминтрунда. Вперёд, последняя ведьма Резе, вспомни, какая кровь течёт в твоих жилах!

Со стоном ужаса она принялась расшнуровывать ботинки, готовясь к грандиозному спуску.

Игрушки, настоящий клад игрушек! Целыми кучами они были разбросаны по всему чердаку, и Ларк с криком бросилась в самую гущу: прогрохотали, падая, кегли, со свистом упала в пыль скакалка, во все стороны покатались мячи...

Отдельно, прямо под чердачным окном, стоял крошечный латунный сундук, обшитый кожей, и Ларк поспешила к нему, споткнувшись по пути о гору кубиков. Сундук открылся на удивление легко – внутри него оказалась груда тщательно сложенных, надёжно защищённых от моли специальной бумагой изысканных платиц из атласа, хлопка и кружева ручного пошива. Они выглядели такими хрупкими, что, казалось, могут рассыпаться в прах от одного только прикосновения.

Дрожащими руками Ларк вытащила первое платье из мягкого белого хлопка, украшенное тонкими кружевами – и, вне всяких сомнений, это был её размер! Никто не обидится, если она одолжит его на время.

Кукла сбросила с себя комбинезон, оставив драгоценный Лайфстоун в одном из его карманов, и начала надевать платье так бережно, как только могла своими неопытными и непослушными деревянными пальцами. Наконец ей это удалось – платье не рассыпалось на кусочки, доставало до самого пола и было очень красивым. Подобрав подол, Ларк принялась кружиться по комнате, подпевая в такт причудливым, монотонным голосом.

Ларк танцевала. Не слишком хорошо – и даже из ряда вон плохо – но она танцевала, делая круг за кругом вокруг деревянных корабликов и заводных мышей, шахматных коробок и ракеток для тенниса. Здесь был лысый медвежонок со стеклянными глазами-пуговицами, калейдоскоп, воздушные

змеи, игрушечный Ноев Ковчег со множеством разрисованных животных на борту, кукольный домик, паровозик, клоун, выскакивающий из шкатулки... чего здесь только не было!

Как, должно быть, они изумлены, видя её, обычную деревянную куклу, отплясывающую среди них в чужом платье. Как, должно быть, сильно им хотелось того же!

– Подождите, просто подождите! – пропела Ларк, кружась, подпрыгивая, спотыкаясь и снова вскакивая, – всю свою прежнюю жизнь я тоже лежала на одном месте, оставалась там, где меня положат, не могла говорить и двигаться. Я была такой же безжизненной, как и все вы, и каждый миллиметр древесины во мне жаждал жить, но подождите, просто подождите!

Она не могла ждать. Бросившись к комбинезону, Ларк достала Лайфстоун, который мерцал в лучах утреннего солнца и выглядел совершенно обычным, ничем не привлекательным камнем. На мгновение она сжала его в своей ладони, а затем подняла крышку Ноева Ковчега и бросила Камень Жизни внутрь.

Прошло много, очень много времени – несколько минут, по меньшей мере – и Ларк уже принялась было воображать самые ужасные вещи, опасаясь, что Камень Жизни потерял свою силу, но внезапно вокруг ковчега заискрился яркий голубой свет, а мачты начали скрипеть и вздыматься, словно старые деревья во время шторма.

Ворчание, фыркание, мяукание, мычание, писк, лай, визг и вскрики: тысячи шумов смешались в один огромный поток, обрушившийся на Ларк – тысячи недовольных, полных раздражения голосов.

С растущим ужасом Ларк взирала на происходящее. Искры света скользили по крыше и стенам ковчега, они были повсюду, как и в прошлый раз – но теперь они были тусклыми, маленькими, и, едва появившись, тут же с шипением растворялись в воздухе. Чудовищно медленно, будто нехотя, с жутким скрипом растворилась дверь, и в проёме показались хмурые звериные морды.

На палубу ковчега повалилась доска. Сердито ворча, слон протопал по ней напрямую к палубе и со стоном опустил на неё свою заднюю часть.

– Ужасно, ужасно, – дрожащим голосом протрубил он следовавшему за ним жирафу.

– Просто отвратительно! – прокричал пеликан, зависнув над трапом. – Не стоит здесь сидеть, – добавил он чуть погодя, – сам знаешь, что может случиться.

– Я жду пару, – пробурчал слон.

– Пару, пару! – подхватили выбирающиеся наружу животные. Все спешили, спотыкались и падали, отовсюду раздавались крики:

– Быстрее, быстрее, не расслаивайтесь, Богу это не понравится!

– Это вам сам Бог сказал, я так полагаю? – дерзко спросила одна обезьяна.

– «Полагаю», «полагаю», тебя никто не просил «полагать»! – рывкнула одна из свиней.

– Бог, Ной, какая разница? Приказы есть приказы! – прорычал бабуин, и обезьяна, прикусив язык, смешалась с толпой вместе со своим сородичем.

– А ведь Ной потерялся, – пожаловалась близорукая кротиха сове, думая, что перед ней крот. – И миссис Ной тоже, и...

– Уху, уху, – печально кивнула сова.

– Ты не крот! Где мой крот, где моя пара?

– Пара, пара! – подхватили все вокруг.

– Правильно, найдите каждый своего партнёра, – повелительно крикнул бабуин. – Чем раньше начнём, тем раньше закончим! Не разговаривайте, просто идите направо, пока нам не скажут остановиться!

– Вот это организация, вот это организация! – восхищённо проквохала курочка петуху.

– Вы, там, ТИХО! Постройтесь в ряд и шагайте вперёд по двое! – И все звери выстроились в огромную шеренгу по двое и, тяжёло дыша от непривычной нагрузки, зашагали вперёд, кружа по палубе со скоростью улитки – ведь именно улитки возглавляли шеренгу, встав перед крокодилами, хоть те и говорили, что первыми должны были быть они.

Затаив дыхание, Ларк сидела, скрестив ноги, у ковчега и наблюдала. Вот-вот должен настать момент, когда животные осознают наконец произошедшую с ними удивительную перемену, сломают палубные ограждения и покинут ковчег. Её гладкие, белые колени под нежным кружевным платьем были готовы принять орды счастливых, прыгающих от радости животных – но ничего подобного не произошло.

Звери всё двигались и двигались по кругу, глаза каждого были устремлены лишь на хвост впереди, и желание практиковать только что обрётённый дар речи у них уже исчезло, едва появившись. Время от времени кто-нибудь спотыкался, падал или попросту останавливался почесаться, и тогда те, что шли сзади, запинаясь о них и падали; вся шеренга рушилась, словно картонный домик, но проходило какое-то время, линия выстраивалась заново, и звери продолжали своё медленное, бездумное шествие.

Вряд ли можно было представить себе более унылую, более безынициативную толпу, чем эта. Ларк больше не могла этого выносить.

– Да прекратите же наконец! – закричала она. – Хватит ходить по кругу! У меня уже голова кружится! Вы же живые, глупые деревяшки, спускайтесь скорей сюда, бегите на пол!

– Бегите? – ахнул гипшопотам.

– Это был приказ? – пропищала мышка. – Это был Бог?

– Конечно, нет, иди дальше, или я тебя съем, – рыкнула рысь.

– Тихо! Приказываю, приказываю! – твякнул, словно терьер, бабуин. – Ты, там, не вякай!

Ларк вскочила на ноги, её короткие волосы гневно покачивались.

– А ты перестань строить из себя главного! Конечно, я не Бог, – обратилась она к остальным. – Я кукла. Из дерева, как и вы. И живая, как вы! Мы – живые! Понимаете, что это значит? Мы можем прыгать, кричать, карабкаться, летать – мы можем всё, что угодно! Смотрите на меня! – Она подскочила в воздух и приземлилась на шпагат с криком «Та-даам!», так же драматично, как это делала Сара. Никто даже не посмотрел головы в её сторону.

– Вы – стадо баранов! – выкрикнула Ларк. – Идёте в никуда, одной дорогой, теми же кругами, и никого даже не волнует! Делайте что-нибудь ещё, вы не должны делать это!

– Но мы должны, – возразила обезьяна. – Мы бесхарактерные создания.

– Бесхарактерные! – подтвердил осёл. – От хвоста до головы, от головы до хвоста!

– От хвоста! – хихикнула белка.

– До головы! – пропели все вместе.

– Приказы есть приказы, – угрюмо заявил бабуин. – Нам приказали жить, вот мы и живём, но чем скорее это закончится, тем лучше.

– Но это был не приказ, это... волшебная возможность. Это не Бог, это я. Я думала, вы будете рады.

– Летать! Кто захочет летать? – фыркнула жирафа. – Взбалмошная выскочка!

– Не беспокойтесь, я и не подумаю тратить на вас магию, – выпалила Ларк. – Можете хоть сейчас перестать жить, вы всё равно этого не заслуживаете, ни один! – Она отвернулась, боясь, что вот-вот заплачет, и они увидят её слёзы, только все были слишком заняты своим бесцельным шествием и ничего вокруг не замечали. Все, кроме старого доброго льва, который бросил взгляд в её сторону и мягко проговорил:

– Не переживай так, девчонка, жизнь и без того полна горя, понимаешь? Горя и слёз... Нам их не надо. Просто отправь нас обратно в забытие, и больше ничего не надо, ладно?

Её горло сдавило слишком сильно, чтобы она могла ответить. Шмыгнув, Ларк подняла крышку Ноева ковчега и вытащила из него Камень Жизни, едва ли светивший ярче прежнего. В ту же секунду на палубе поднялась настоящая суматоха: в последние мгновения своей жизни каждый стремился успеть попасть внутрь – вот через порог торопливо проползла последняя улитка, и дверь за ней со стуком захлопнулась.

– Самая отвратительная компания, что я встречала в своей жизни, – печально всхлипнула Ларк и хотела было зареветь, но передумала – в конце концов,

могут найтись другие игрушки, которые не откажутся жить. В ней снова затеплилась надежда – Ларк достала Камень Жизни и положила его на шкатулку с клоуном.

Снова вспыхнули голубые огни, слабые и маленькие, как мошки. Медленно, как и дверь ковчега, поднялась крышка шкатулки, и со слабым криком: «Бу!» клоун плюхнулся на её бок. Затем он снова забрался внутрь и без особого энтузиазма повторил представление.

Ларк так была поражена, что не придумала, что сказать, кроме «Бу!» в ответ, но повторив это три или четыре раза, она потеряла терпение.

– Нам следовало бы уже начать конструктивный диалог, – сказала она, когда клоун выскочил из шкатулки в очередной раз, – что ты думаешь о...

– Не думаю, не думаю! – гаркнул клоун. – Бесхарактерное создание! – и снова забрался внутрь шкатулки.

– То есть... – выдохнула Ларк, – ты тоже не хочешь жить?

– Нет! Бу! – ответил клоун и снова забрался внутрь шкатулки.

Не говоря ни слова, Ларк сняла со шкатулки Лайфстоун и направилась к другой куче игрушек. Она с грустью села на калейдоскоп, когда спустя мгновение он вдруг начал дрожать под её весом, а затем совершенно неожиданно ей на колени упала тусклая голубая искра.

Не смея надеяться, Ларк вскочила и провела камнем по всей поверхности калейдоскопа, ведь у него, конечно, не было ног. Калейдоскоп вздрогнул, раздался кашель, словно он хотел прочистить горло... Ларк затаила дыхание.

Ничего не произошло.

– Ах, пожалуйста, пожалуйста! – она уже очень испугалась. – Пожалуйста, скажи хоть что-нибудь!

– Не знаю, что говорить, – прохрипел калейдоскоп едва слышно. – Никаких идей... бесхарактерное создание, – грустно добавил он спустя мгновение. – Встряхни меня, и я покажу картинку, которая никогда не повторяется... не знаю. Никаких идей. – И он снова замолчал.

Ларк на полном серьёзе была готова завывать от отчаяния, как вдруг чердачное окно накрыла огромная чёрная тень, и огромная нога с торчащим из жёлто-пурпурного носка большим пальцем скользнула в поисках точки опоры по стеклу.

– Ага, госпожа Деревянная Ножка!

Огромное, сморщенное лицо застыло в проёме окна. У него были жёлтые глаза, прищуренные от старости и от злости, крючковатый нос с бородавкой на самом кончике, щетинистый подбородок (плюс ещё три или четыре книзу), а сверху на него водрузилось нечто огромное розово-бирюзовое – не то горшок, не то головной убор.

– Ага, маленькая модница, вздумала перехитрить Эрминтроду? Забрать мой Лайфстоун, стать королевой моих игрушек?

Оправившись от первого потрясения, Ларк едва не рассмеялась. Так это была шляпа! Эрминтрода была почти полностью лысой, и одним из немногих магических трюков, которые у неё остались, было изменение шляпы по желанию. Чтобы подбодрить себя к своему грандиозному спуску с крыши, она надела пасхальный капор, украшенный вишнёвыми цветами и павлиньими перьями.

– Королевой моего замка, королевой моих игрушек?! – заверещала она. – Грязная деревянная кукла, ты не будешь играть с моими игрушками, они мои, мои, МОИ!!

– Не больно-то и хотелось, – гордо ответила Ларк (нетрудно было оставаться смелой, разговаривая через окно), – это самые скучные создания, что я когда-либо встречала.

– Ишь чего удумала, мисс Безвкусица в оборках! Скучаешь по Саре, небось? А знаешь, что тебя ждёт в конце концов, маленькая принцессочка? Ты умрёшь, ты засохнешь тут от одиночества, ты... – в голове Эрминтруды промелькнула настолько гениальная идея, что она едва не свалилась с крыши, потеряв опору.

– Как насчёт маленькой сделки, принцесса? Ты поднимешься вверх по дымоходу с Лайфстоуном, а мы со Скайтом перенесём тебя в Баттерси.

– Что?! Через Канал?

– Да хоть через сто Каналов! Скайт быстрее Конкорда¹!

– Но... Англия? Ох... – от волнения кукла заёрзала на месте. – Он точно сможет найти дорогу? Ах, когда можем начать, где он, где Скайт?

«Чёрт бы побрал эту пьяную метлу из перьев!»

– Сидит, планирует маршрут и полирует клюв перед дорогой. Поднимайся по трубе, принцесса, давай же.

– Но почему я его не вижу? – Ларк плюхнулась на грудку кубиков – весьма неприятное ощущение. – Я хочу услышать это из его собственного клюва. Откуда я знаю, что это не уловка? Позови его, и мы поговорим через окно. Я с места не сдвинусь, пока ты не приведёшь Скайта.

---

¹ Конкорд (фр. Concorde) – британо-французский сверхзвуковой пассажирский самолёт

«И эту куклу-зазнайку в кружевных оборках, пропади она пропадом со своим Баттерси!»

– Ты сейчас же поднимешься по трубе, маленькая дрянь, а не то я... – прошипела ведьма.

– Спустишься и заберёшь меня сама? – помогла Ларк ей закончить предложение. Ведьма задёргалась, проорала что-то неразборчивое и исчезла из виду.

Возможно, подумала Ларк, она не слишком бы возражала, чтобы у неё забрали жизнь, когда она вновь будет с Сарой... И полёт на Скайте до Баттерси был бы невероятным приключением. Но откуда ей знать, что Эрминтруда не сбросит её в море? Что ж, тогда она бы плыла и плыла, пока не добралась бы до берега Англии...

Ларк с азартом пинала резиновый мяч, наблюдая, как он подпрыгивает высоко в воздух, и вот, после очередного удара, он подскочил под самые стропила и застрял меж двух балок, образовавших угол.

Но это был не просто угол, а полка, и на ней кроме мяча было что-то ещё. Напрягая зрение, она сумела разглядеть большой деревянный ящик, весь в паутине, с медным, позеленевшим от сырости замком.

Никак не дотянуться. Но так хочется!

Если бы только удочка Тома была здесь! Или метла. В шкафу на кухне была метла – Ларк тяжело вздохнула, понимая, что ни за что не сможет дотащить её досюда. Наверняка среди игрушек есть что-нибудь, чем можно было бы сбить ящик вниз!

Но ничего не было. Были только кубики. Она подняла один – такой большой, что пришлось обхватить двумя руками – да и тяжёлый, Ларк не добросила его до половины. Она попробовала ещё раз, поднявшись на небольшой кожаный чемодан, но кубик и на этот раз не долетел до цели.

И тогда у Ларк появилась блестящая мысль.

Здесь были сотни, здесь были тысячи кубиков, кирпичиков, цилиндров и пирамидок, простые деревянные кубики, цветные, кубики с буквами – так почему бы не построить из них замок – нет, гору, огромную гору из кубиков, высотой до самых стропил, чтобы по ним можно было взобраться напрямик к ящику?

Эрминтруда забралась туда, где сидела уже часами – на желоб – спуститься ниже у неё никак не хватало духу.

Сверху довольно отчётливо виднелось белое пятно – само собой, это был Скайт. Прямо сейчас ему снился полный сочной травы цветущий холм, куда его пригласила очаровательная гусыня, и его мерное посапывание и хрипы так громко раздавались по всему саду, что вывели ведьму из себя. Камни, ветки, комья земли, листья – гряда мусора посыпалась сверху на ничего не подозревающего гуся.

– Самый прекрасный клюв в мире, – сонно проговорил он с закрытыми глазами. – Вне всяких сомнений, ты станешь Королевой Мая.

Эрминтруда завывала. Целый день ушёл на то, чтобы продвинуться так далеко – и у неё уже изорвались все носки, разболелись пальцы на ногах, а кожа на коленях ободралась о шифер. Не говоря уже о том, что она никогда в жизни не обходилась так долго без еды и сна – и ни капельки не доверяла этой хлипкой водосточной трубе.

– Старая, слишком старая, – заревела она. – Ах, бедная старушка, бедная старая ведьма!

Каркая, мимо пролетела ворона. Развернувшись, Эрминтруда погрозила кулаком ей вслед, и пасхальный капор, сорвавшись с её головы, упорхнул куда-то вглубь сада, где и остался. Шумно всхлипывая, ведьма щёлкнула пальцами, но вместо чёрной траурной вуали на её голову плюхнулась появившаяся из ниоткуда розовая шапка с пумпоном. Даже шляпная магия поводила Эрминтруду.

Парашют, вот что ей нужно. Плащ вполне за него сойдёт – всё лучше, чем лезть по водостоку. Еле передвигая ноги, она подошла к самому краю и поняла, что не сможет этого сделать. Она наклонилась вперёд и сделала резкий шаг в пустоту. Море яблонь ринулось ей навстречу. Эрминтруда зажмурилась.

Гора Ларк была великолепа. Она как-то видела картинки с пирамидами в книжках Сары, и сейчас у неё получилась точно такая же, только со ступеньками. Она собирала кубики в деревянный грузовик со всего пола, неумоимо взбираясь по ним и вновь спускаясь обратно. И вдруг в том месте, где прежде была груда кубиков, она обнаружила лук со стрелами.

Ларк достала стрелу из колчана – длиннее её в два раза, но лёгкую и удобную – будто специально созданную для того, чтобы подцепить ею ящик. Подобрал последний кубик и балансируя с помощью стрелы, Ларк начала финальное восхождение на самый верх раскрашенной во все цвета радуги горы – кубики шатались, но держались. Дюйм за дюймом, она подкрадывалась всё ближе и ближе к вершине, а затем, едва дыша, водрузила на неё кубик и забралась на него сама.

Ларк невольно бросила взгляд вниз.

Чердачный пол чудовищно накренился, игрушки, кубики, океаны оттенков вздымались позади неё. Ларк ткнула стрелой в сторону ящика, и – о, чудо – он сдвинулся! Но под её ногами взревело землетрясение, оно было готово поглотить её, Ларк сделала последний отчаянный рывок, и гора рухнула. Тёмная масса с грохотом обрушилась на куклу, со всех сторон на неё повалились цвета и формы, поток подхватил её и понёс вглубь нарастающей пучины.

Ларк зажмурилась.

Парашют из дырявого плаща Эрминтруды вышел так себе, но, к счастью, она сумела приземлиться на яблоню. Если бы она падала и дальше, то без защиты Лайфстоуна явно переломала бы себе все кости и наверняка умерла.

Но вместо этого она повисла на дереве, зацепившись своим плащом за сук, опасно согнувшийся под её весом. Размышляя над тем, как её выпутаться, ведьма успела выковырять целую кучу личинок из-под коры и впихнуть их себе в рот – а потом ветка наконец треснула, и она с грохотом рухнула в кусты терновника.

И вновь взволнованные пронзительные детские голоса нарушили тишину весеннего вечера.

Содержимое ящика вывалилось на руины радужной горы; цепляясь, ударяясь, Ларк спешила вытащить себя из-под обломков, чтобы скорей увидеть его.

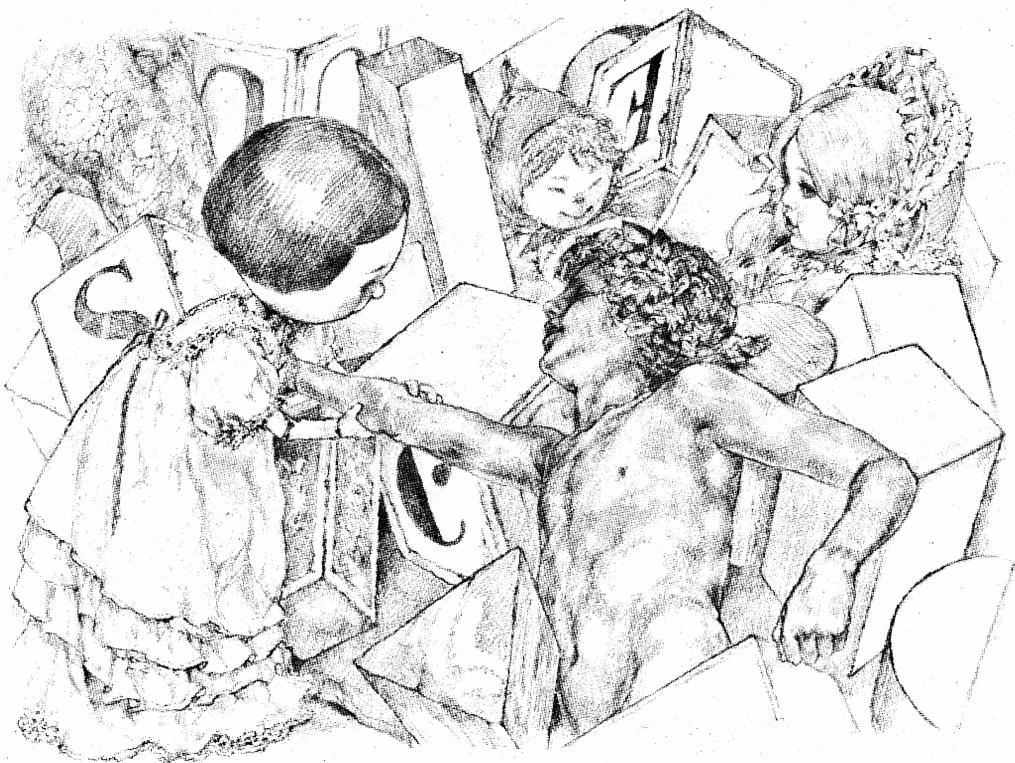
Игрушки – Ларк едва сохранила самообладание – четыре очередные игрушки!

Если бы только это был ковёр-самолёт, на котором она могла бы долететь на нём до самого Баттерси, пусть и преследуемая ведьмой на Скайте – всё равно бы она была быстрее – немножко, но быстрее!

Но вместо него здесь был конь – добродушный и мудрый на вид (его глаза казались очень старыми) глиняный конь, испещрённый зелёными и коричневыми полосами – будто краска пролилась на него и потекла по бокам; всё его тело покрыла сеть крошечных трещин, а борозды у обломившегося хвоста покрылись вековой пылью. Позабыв о своём первом разочаровании, Ларк ощутила прилив симпатии – она протянула руку и робко погладила раздувающиеся ноздри, широкую бочкообразную грудь, удивительно крепкие ноги, стоящие так твёрдо и уверенно... ему, должно быть, сотни, а может, и тысячи лет!

И ещё здесь были две куклы, одна – тряпичная, довольно невзрачная и на вид иностранная, с широкими щёками и мягким взглядом, вышитым на её добром, улыбающемся лице. Волосы – пряди коричневой шерсти – закрывал красный платок, завязанный под подбородком, на ногах – чёрные вязаные башмачки с пуговицами, а платье, сшитое из множества цветных и однотонных лоскутков в полоску, в цветочек или в горошек и бывшее когда-то красивым и ярким, теперь вконец обветшало.

Вторая кукла – викторианская, хотя Ларк этого и не знала – была такой красивой, какой только можно представить, с телом из опилок, руками и лицом из фарфора – правда, впечатление портило угрюмое выражение её ярко-красного, как розовый бутон, рта. Когда она соскользнула с горы из кубиков, её большие голубые глаза открылись и закрылись снова, щёки стали похожи на цветочные бутоны, а ногти на руках – на крошечные ракушки. Как, должно быть, маленькая хозяйка любила свою куклу – её пышное

серебристо-зелёное платье было столь же чистым и свежим, как в день, когда её изготовили, а золотистые локоны наверняка никогда в жизни не были спутаны. Играли ли вообще с ней, с этой куклой, обнимали ли её, прижимали к себе и брали в постель?

Ларк снова страшно разволновалась: в этих игрушках было что-то особенное, они были старше, намного старше других, но, конечно, дело было не только в этом.

В них чувствовалось дыхание, дыхание самой Жизни. «Они живы внутри, как и я была все эти годы, – подумала Ларк. – Как если бы жизненная сила дерева, из которого меня сделали, была заключена во мне и лишь ждала, пока Камень не освободит её».

Она бросилась к другой стороне горы и обнаружила себя смотрящей прямо в глубину пары глаз, выдолбленных в бронзе – слишком дорогого материала для того, чтобы делать из него игрушку. Из-под кубиков виднелись плечи атлета, обнажённая левая рука и голова – с прямым лбом, носом без горбинки и волосами, развевающимися, будто от быстрого бега.

Один за другим, Ларк отбрасывала кубики, спеша скорее освободить его. Кроме оливковой ветви и сандалий на нём ничего не было – зато всё его тело,

каждый мускул и каждая клеточка пели жизнью – казалось, из его рта вот-вот послышится смех – и странно, если этого не случится – а одна нога в сандалии была высоко поднята в воздух, будто он всё ещё продолжал бежать, лёжа на спине здесь, посреди кубиков.

Он не мог больше ждать! Внезапно, глядя в эти дыры вместо глаз, она вдруг поняла – сколько бы он ни прождал прежде, теперь он не может ждать ни мгновения. Она вложила Лайфстоун в его сжатую руку, и он засмеялся – засмеялся на самом деле, громко и звонко, словно гигантский золотой колокол посреди замка.

Чердак полыхал.

Глазницы превратились в бесконечные озёра всех оттенков зелёного, непрестанно переходивших из одного в другой – чистые, невесомые и невероятно прозрачные, как греческие моря. Дрожа, Ларк прижалась к кубикам. Мог ли Бог чувствовать тот же испуг, те же волнение и ответственность, когда Адам впервые поднялся на ноги?

Зелёная корка исчезла с кожи атлета, и теперь она приобрела глубокий коричнево-золотой цвет, но Ларк видела только его глаза... то туманные и мутные, словно бушующее, сердитое море, то мрачные и тёмные, как вековые кедры – меняющиеся, пока он боролся на грани жизни и смерти.

И вот раздвоенный подбородок взметнулся вверх, правая нога со стуком опустилась на землю, и бегун, сотрясаясь всем телом с головы до ног, извергнул восторженный крик.

– Великий Зевс, жизнь! – он опустился на одно колено и поцеловал ногу Ларк. – О, мифическая леди, о, нимфа, о, богиня, жизнь!

– Э... – начала было Ларк, но бронзовый мальчик уже вскочил и прыгал, кружил и скакал по всему чердаку, сверкая золотом в угасающем голубом свете Камня Жизни.

А затем, из другого мира, из другого столетия, на чердак ворвались голоса фермерских детей, разлетающиеся по парку и разбивающиеся, словно камешки, о стены замка. Детей, у которых не было игрушек!

Могли ли они не влюбиться, как и сама Ларк, в её находки? Бронзовый бегун, глиняный конь, тряпичная и фарфоровые куклы – она должна успеть оживить их прежде, чем сюда доберутся дети.

– Ах, быстрее, быстрее же, – вскричала Ларк. – Пожалуйста, как бы тебя ни звали!

– Зис, – в один прыжок он оказался рядом с ней. – Меня зовут Зис. Ваше приказание, мифическая леди?

– Я не миф...

– Ни божество, ни наяда, ни нимфа. Но должна быть! Ваше приказание, магиня?

– Но я не... эх. – Ларк вздохнула. – Сюда идут дети, и нам нужно спрятаться, но нужно спрятать и других, или дети заберут их до того, как они оживут. Где-то там провалилась половица, и... – но Зис уже толкал глиняного коня в ту сторону, куда она указывала.

Эрминтруда дрожала как желе.

Она вскарабкалась на ближайшую яблоню, но дети прошли прямо под её ветвями – и теперь она боялась, не подхватит ли она самую ужасную человеческую болезнь – любовь. Если это случится, она, конечно, тут же станет смертной, ведь ни одна ведьма на свете не справится с любовью.

Эрминтруда тревожно прислушалась к своим ощущениям, но дети по-прежнему оставались для неё такими же сопливыми, шумными и мерзкими, какими она всегда их видела, и Ларк была самым шумным, дерзким и назойливым существом из всех, а Скайт был просто вонючкой – пьяной, гадкой вонючкой.

Но постойте, куда направились дети?

Секунду назад они прыгали по саду, а теперь суетятся на лестнице, ведущей в подвал. Можно было подумать, что она связана с замком, но Эрминтруда знала, что она ведёт только в огромную подземную комнату с земляным полом и грубыми каменными стенами – и не подвал вовсе, а какой-то сарай. Там точно нет никакой двери, через которую можно проникнуть в замок.

Или есть?

С тех пор, как дети спустились в подвал, они вели себя слишком тихо, изнутри не было слышно ни единого звука. Это было необычно. Вернее, подозрительно.

Очень подозрительно.

У неё возникло ужасное чувство... Где-то в этих стенах скрывался путь внутрь замка, какая-то таинственная дверь или проход, и она его упустила.

– Что угодно со всего чердака! Что бы ты выбрал, Джерард?

– Лук со стрелами, – не задумываясь, ответил мальчик чуточку младше Филипа. – Тот, что я сделал, и вполовину не так хорош. А ты, Мартина?

Они играли в карты, в блошки, стучали в барабан, бросали попрыгунчики, построили и разрушили целый город из кубиков, а Лотти переодевала медвежонка снова и снова тысячи раз. Теперь все кубики были собраны, одежда сложена, а игрушки выстроены в углу в ряд – а сами дети принялись играть при лунном свете в игру под названием «если бы», которой всегда заканчивали.

– Все платья, туфельки и шляпки в чемодане. Они так прекрасны! – воскликнула Мартина. – Они наверняка принадлежали кукле герцогини.

– И какой смысл в платьях, если у тебя нет куклы? – вздохнула Лотти. – Ах, как бы я хотела, чтобы здесь была кукла! Такая же кукла, как у Сары, или любая другая, как в магазинах Резе.

Ларк дрожала под половицей: повсюду была плесень и паутина, и странно пахло грибами, но зато это было надёжное укрытие. Тряпичная кукла служила фарфоровой подушкой, а вот с глиняным конём пришлось нелегко – у них никак не получалось просунуть её внутрь, и только Зис наконец толкнул её и запрыгнул за ней следом, как на чердак ворвались дети.

– И мне всё равно, – услышала она слова Лотти, – пусть это даже будет старая, потрёпанная кукла.

Если бы я была хорошей, я бы подняла доску, позволив им найти нас. Лотти взяла бы себе куклу – тряпичную или фарфоровую (только не меня)... но я

хочу оживить их, я тоже хочу играть с ними! Что ж. Наверное, я нехорошая. Она поймала на себе взгляд Зиса с ощущением, будто он прочёл её мысли, но он лишь так странно усмехнулся, что Ларк почувствовала себя неловко.

– Я бы взял калейдоскоп, – сказал другой ребёнок.

– Ты должна выбрать из того, что здесь есть, Лотти.

– Я бы взяла Ноев Ковчег, медвежонка, клоуна, – начала было Сьюзи, который было всего пять, но остальные её тут же перебили:

– Одну, только одну вещь!

– Ну тогда Ноев Ковчег. У него внутри много всего!

– Килпичи, я хочу килпичи, – пролепетал самый маленький, а затем кто-то выкрикнул:

– Филип не выбрал!

– Глупая игра, – буркнул Филип. – Мы всё равно не можем ничего взять, потому что чьими бы ни были эти игрушки, однажды их хозяева могут вернуться за ними.

– Ну просто представь, Филип!

Он покачал головой, и ребята, смеясь, в шутку набросились на него, и когда он наконец вырвался, тоже улыбаясь, почесал свою двенадцатилетнюю голову и проговорил:

– Ну, наверное, я как Лотти, – хочу то, чего здесь нет. Что-нибудь старое и древнее, такое, что имело долгую историю... Наверное, я просто держал бы его в руках, размышляя обо всём, что с ним приключилось прежде, чем оно попало ко мне...

Ларк снова вздрогнула и бросила взгляд на Зиса – он подмигнул в ответ, и ей стало легче – он не собирался её выдавать, хотя она не могла не думать о том, как Зис понравился бы Филипу – и глиняный конь, конечно тоже.

К счастью, вдруг до замка донёлся слабый звон деревенских часов, и дети вскочили на ноги.

– Zut, я не сделал домашку! – выкрикнул Филип, рванул прочь по чердачному этажу, за дверью послышался безумный грохот, а потом она со стуком захлопнулась.

Дети снова прошмыгнули под яблоней Эрминтруды, а затем в лунном свете помчались через парк. Едва они перелезли через ворота, ведьма соскочила с дерева и принялась скакать вокруг него, яростно и возбуждённо топая. Они нашли путь в замок, нашли, точно нашли, они были в замке, в замке Эрминтруды и играли её игрушками. Тут есть тайная дверь!

Что ж, если они смогли найти её, сможет и она, и едва она обретёт Лайфстоун, как все так давно потерянные игрушки вновь будут в её власти – и она сможет всласть пощипать и помучить их, наверстывая упущенное время.

Искать дверь в одиночку или привести в чувство этого безмозглого гуся? Две

головы, с мозгами или нет, всё лучше, чем одна, к тому же, ей может понадобиться защита.

– Поздновато же вы, моё платье совсем никуда не годится, – вздохнула фарфоровая кукла, – почему вы сразу не подняли половую доску, когда этот ребёнок так жаждал куклу? Она взяла бы меня домой и с должным уважением бы за мной ухаживала – конечно, вряд ли так же, как моя дражайшая Луиза, но что поделать, бедняку да вору – всякая одежда впору.

– Ах, что за змеиный язык! – воскликнул греческий мальчик. – Благодарю бога за жизнь – и деревянную магину вместе с ним! Как твоё имя, магиня?

– Ларк, – ответила Ларк, стараясь выглядеть так, словно каждый день оживляет игрушек.

– И летишь ты, с песнею на устах, из какой же страны ты явилась?

– Баттерси, – ответила Ларк, пропустив часть про полёты и пенье, – но я была сделана в Бретани. На французском моё имя...

– Алуэтт, – застенчиво молвила тряпичная кукла с широкими щеками. – Моя госпожа часто пела: «alouette, gentille alouette¹»... моя госпожа Катя, Катя Петровна, нет ли у вас от неё вестей?

Её голос был серьёзен и звучен, и так выразителен, словно она не говорила, а пела, но, увидев, с каким недоумением все на неё взглянули, она смутилась.

– Нет, нет... это было много лет назад, в другой стране... Я русская, меня зовут Маша, и... – она улыбнулась Ларк, – я очень рада жить.

– Раз уж дело дошло до знакомства, – заметила фарфоровая кукла, – вас, возможно, интересует моё имя – Достопочтенная Арабелла Хэллоуэйн Монморанси-Пеллитью. Всё с большой буквы, Монморанси-Пеллитью – через дефис. Верхний Хайстэндвер, графство Вильтс.

Греческий мальчик рассмеялся.

– Ты, должно быть, была богиней! Как же нам к тебе обращаться? О, могущественная! О, священнойшая, благородная и достопочтеннейшая Арабелла-Хэллоуэйн-Монморанси-Пеллитью-из-Верхнего-Хайстэндвера...

– Тише, тише, – пробормотала русская кукла, воспитанная в весьма религиозном духе.

– Но сама Афродита была проще!

– Кто это? – требовательно спросила Арабелла.

– Афродита, богиня Любви. Столь прекрасная, что людям было достаточно лишь взгляда на неё, чтобы полюбить её.

– Это правда, – подтвердил глиняный конь глубоким тёплым басом. – Слава Афродиты дошла даже до Китая, откуда я родом. Люди любили её, и из простых самородков любви, что они дарили ей, она делала вещи невероятные и прекрасные – больше, чем звёзды. А затем возвращала их любовь

---

¹ alouette, gentille alouette (фр.) – жаворонок, милый жаворонок

стократно.

– И от этого они любили её всё больше и больше? – спросила Ларк.

– И друг друга. Ибо любовь порождает любовь, я верю, – ответил конь. – Маленькая леди, я из династии Тан, вылеплен с облика любимого скакуна императрицы У Цзэтянь – Тан, к вашим услугам.

Все четверо очень смутили Ларк. Кто они такие, кому принадлежали раньше, как сюда попали и чего они хотят теперь? Есть ли у них свои Баттерси и свои Сары, к которым хотят вернуться? Но как это может быть теперь, ведь сейчас – это сейчас, а прошлое уже мертво и давно осталось позади.

Прежде чем она решила, как бы об этом спросить, греческий мальчик внезапно издал радостный крик, бросился в воздух, сделав сальто, затем прошёлся колесом по всему чердаку, прыгая и кувыркаясь в вихре движений, которое заставило игрушки задержать дыхание.

– Ах, как давно я мечтал об этом! – выдохнул он, – сколько раз я лишь смотрел, как бегают и прыгают на стадионе другие! Если бы вы только видели, как они бросали диск в небо, словно искусственное солнце! Магиня! – он опустился на колени перед Ларк, – жизнь – прекрасная вещь!

– Ох, я знаю, я знаю. Но на самом деле я никакая не магиня, мне просто повезло, – и она рассказала им, как Камень Жизни упал ей на колени.

Когда Ларк заговорила об Эрминтуде, лицо Зиса помрачнело и стало

суровым, Маша испуганно вскрикнула, Тан с фырканием ударил о пол копытом, а Арабелла сняла с рукава паутинку.

В тот же миг всё стало на свои места. Эрминтруда, ну конечно же! Как ещё могли они оказаться здесь – из разных стран, из разных времён, если не с помощью какой-то её хитроумной уловки? Они не были оставлены детьми давно минувших дней – это ведьма поймала их в свою ловушку – так же, как она едва не поймала и её саму – чтобы оставить их чахнуть в ненавистной тишине на чердаке замка Ларк.

Но зачем?

Это был трудный вопрос. И правда, зачем?

Все притихли, вспомнив старые раны, нанесённые Эрминтрудой. Первым тишину нарушил Тан.

– Сквозь пространство, через время! Моё собственное знакомство с Эрминтрудой датируется... какой сейчас век?

– Двадцатый. – Ларк была рада этому глубокому басу. – Восьмидесятые годы.

– Много прошло! Значит, почти тысяча триста лет. – Невозмутимым остался только Зис, который знал Эрминтуду ещё дольше. Полная, бело-золотая луна светила теперь сквозь чердачное окно, сияя в вышине неба, и он вспомнил луну, точно такую же луну, освещавшую много веков назад стены Акрополя, и юношеский крик: «Если бы я мог бегать, Зис, если бы я мог летать!»

– Фрр! – фыркнул Тан, и Зис вернулся в настоящее.

Фрр! – повторил Тан. – Я скажу вам всё, что знаю. Маленькая леди, в прежние годы Эрминтуды была невероятно могущественной. Ты говоришь, теперь она летает на фермерском гусе? В моё время она использовала стальную зелёную метлу с поистине удивительной скоростью...

– Но ведь она такая... как же она сохраняла равновесие?

– О, тогда она была стройна, как тростинка на реке Янцзы! Своим бессмертием она обязана Камню Жизни – я даже подумывал, не существовала ли она вообще вечно – ведь её главными любимцами были деревянная кошка – игрушка, вырезанная для ребёнка рабом, строившим пирамиды – и обезьяна из слоновой кости, выхваченная из кровати маленького принца майя. Всегда самые дорогие, самые любимые игрушки.

– Но почему? Почему именно они?

– Любовь. Эрминтуды не выносит её. Она слишком боится людей, чтобы вмешиваться в их дела, но без раздумий вторгается в любовь между детьми и их игрушками, разлучая их.

– Детский плач, – с горечью произнёс Зис, – музыка для ушей Эрминтруды.

– А что... что случилось с кошкой и обезьяной?

– Потеряны, а души их надломлены её пытками. И ещё многих, вырванных из рук их хозяев. Только мы и можем поведать историю, мы, остатки её коллекции.

– Нет, её алмазы! Мы выжили, у нас есть жизнь! – вскричал греческий мальчик. – Но пока мы не уничтожим её силу, мы никогда не будем свободны.

– Если бы только мы нашли новые дома и новых детей, которые полюбят нас, – голос Маши дрожал. – Теперь я знаю, моя дорогая Катя Петровна давно умерла.

– Новые дома – именно то что я сказала, – обвиняюще указала на Ларк Арабелла. – Если бы эта персона всего лишь подняла половицу, фермерские

дети уже забрали бы нас к себе домой. Эрминтруда никогда бы не посмела вырвать нас из их кроватей. И на тебе моё платье! – Она сделала выпад в сторону Ларк, которая нырнула под живот Тана и выскочила с другой стороны.

– Вовсе нет! Я нашла его в чемодане!

– Моём чемодане. Не думаешь же ты, что весь этот путь я прошла без своего гардероба? Как некоторые, – добавила она, бросив косой взгляд на Зиса. Он усмехнулся.

– А что? Очень тёплые оливковые ветви.

– Тише, тише, Арабелушка! – попыталась успокоить Арабеллу русская кукла.

– У тебя и так красивое платье, зачем ещё одно?

– Твоё произношение отвратительно, – грубо оборвала её Арабелла. – В любом случае, оно моё, и я хочу его.

– Дурацкая тряпка! Да я лучше помру, чем ещё раз её надену! – Ларк стянула с себя белое кружевное платье и швырнула его к ногам Арабеллы, а затем с яростью взялась перебирать кубики в поисках своего комбинезона. Тан задумчиво потёр головой о переднюю ногу, а затем потрусил к фарфоровой кукле.

– Зис недавно дразнил тебя, – и он так сурово поглядел на греческого мальчика, что тот покраснел. – Арабелла – красивое имя, и очень тебе идёт. Если честно, ты даже чем-то похожа на Афродиту.

– Пф! – фыркнула Арабелла. – она свирепо посмотрела на Ларк, та ответила ей тем же. Она снова надела комбинезон, правда, задом наперёд, но если Арабелла хотела драться – что ж, она готова. – Пф, глупая, старая богиня! Ну, и чем же?

– Только тем, что ты тоже красива, и если бы ты позволила, люди могли бы любить тебя, просто глядя на тебя. Я бы так и делал, – кивнул глиняный конь.

– Только вот они не... да, любят, любят! – нежданная слеза упала на остроносый сапожок Арабеллы. – Луиза любила. Она посадила меня в большой стеклянный купол, и называла королевой игрушек.

– Ах! Тебе не было одиноко? – воскликнула Ларк прежде, чем успела осадить себя.

– Нет! – выкрикнула Арабелла, но затем её печальное лицо совсем сморщилось. – Да, – прошептала она, – у Луизы было много игрушек, я думаю... я думаю, мы окончательно ей наскучили. Её мамы и папы постоянно не было дома, и она часто стояла у дверей и ждала, но они всё не приходили и не приходили, а только присылали новые игрушки, а она лишь бросала на них мимолётный взгляд... и бросала в угол.

Все выглядел потрясёнными. Когда Зис заговорил, его голос звучал довольно неловко:

– Сдаётся мне, твоя Луиза и себя не больно любила, куда же ей было уметь позаботиться о тебе?

– Всё она умела! И нечего вам тут стоять с таким надутым видом и жалеть меня! – Арабелла резко повернулась. – Она любила меня не меньше, чем ваши хозяева любили вас! Только посмотрите, как она заботилась обо мне, посмотрите на мои сотни платьев. И посмотрите, – Арабелла усмехнулась, глядя на Ларк, – на её старый, грязный комбинезон, явно единственный, иначе зачем бы она стащила моё платье? Кто о тебе заботился, хотела бы я знать! Тоже мне волшебница!

– Ах ты, отвратительная, заносчивая...

– Спокойно, спокойно, – бронзовый мальчик встал между ними. – У нас только один враг – Эрминтруда. Именно с ней мы должны сражаться, иначе, клянусь Зевсом, она похитит Камень Жизни, и тогда ни одна игрушка не будет в безопасности до конца времён. Вы, сэр, – он почтительно поклонился Тану, ибо в китайском коне чувствовалась мудрость, – у Вас самая верная голова среди нас, советуйте нам!

Скайт с мечтательной улыбкой обратил свой взор на Эрминтруду.

– И ты станешь Королевой Мая, – пропел он. – А! Эрминтруда! – Он тут же зажмурился и нырнул обратно в кусты ежевики.

– Эрминтруда, я тебе покажу Эрминтруду! – обрушилась на него ведьма. – Пьяный болван, окорочок, будешь знать, как оставлять меня на дымоходной трубе!

– Ай! – визжал Скайт, бешено трепыхаясь в складках её плаща, – спасите, мыши, летучие мыши, чудовища! – Под плащом было совершенно темно, и он чувствовал себя так, будто по голове ему засадили кувалдой. Секунду назад он нежился вместе с очаровательной гусыней среди розовых бутонов – и вдруг на него напало чудовище, гигантская летучая мышь-вампир, удивительно похожая на Эрминтруду. Или целых три – так сразу и не скажешь. В темноте сверкнула огромная костистая лодыжка, которую он не преминул ущипнуть, и в ту же секунду его кровь застыла от жуткого пронзительного крика.

– Чёрт подери, куриная ты печень (пожалуй, худшее оскорбление для гуся), – прошипела Эрминтруда, – дохлятина голубиная, кривоногий мешок с костями, ты труп!

Пошатываясь, Скайт поднялся на лапы, голова у него раскалывалась, в горле пересохло, и хотя в глазах у него троилось, вокруг не было ни одной летучей мыши, а только лишь одна грозная фиолетовая Эрминтунда, которую нельзя было не заметить.

– Пощады, миледи, – выдохнул гусь, а затем упал на живот, и всё вокруг снова стало чёрным.

Эрминтруда прикусила язык. Ничего, у неё будет ещё достаточно времени для наказания, когда она снова заполучит Лайфстоун. Она осторожно вытащила его за клюв из крапивы на газон, Скайт с несчастным видом

установился на неё и рыгнул.

– Шагом марш! – приказала Эрминтруда. – Иди вперёд, пока не дойдём до подвала. По прямой, – добавила она, потому что гусь вдруг принялся оцепенело петлять между яблонями. – Я скажу, зачем, когда придём...

– Ты понял? – закончила она, когда Скайт с величайшей осторожностью спустился с последних двух ступенек. – Мы должны успеть найти другой вход, время на исходе. – Словно в подтверждение её словам хриплое «Ку-ка-ре-куууу» разнеслось по всей долине, эхом отдаваясь в подвале.

– Чёртовы петухи, – пробормотал Скайт. – Никогда не узнаешь правильное время. Ещё луна светит, – но он знал, он знал – вторая роса высохнет совсем скоро, и время действительно было на исходе.

Он осторожно пробрался по земляному полу туда, где у дальней стены была сложена груда брёвен, и принялся усердно постукивать клювом по каждому из них.

– Не туда, тупица, – сказала Эрминтруда. – По стене. Потайная пружина, кнопка, что-нибудь такое. – В этот момент одно из брёвен скатилось с вершины кучи, стукнув другое, затем ещё одно и ещё – в темноте ничего не было видно, зато прекрасно слышно – и ведьма с гусём бросились к освещённому лунной входу – а через секунду лавина брёвен обрушилась точно на то место, где они только что были.

Скайт завопил от ужаса и вцепился в Эрминтруду: какая-то тварь, маленькая, чёрная, с торчащими во все стороны острыми концами, мчалась по брёвнам прямо на них.

– Помогите, помогите, изверги, демон! – орал гусь. – Сильная боль вдруг пронзила его правую ногу. – Ай, убийца, он только что воткнул в меня рог! Я пошёл отсюда!

– Не будь гусём! – ответила дрожащим голосом Эрминтруда, держась за него. – Это всего лишь... ерунда, это ёж! – Ёж свернулся в клубок и отпрянул в угол, оставив Скайта глупо таращиться через весь подвал на обнажившуюся стену. Его глаза едва не вылезли из орбит.

Лавина открыла дыру, достаточно большую, чтобы в неё мог влезть кто-нибудь не слишком большой. Это был вход в туннель, выдолбленный в каменном фундаменте замка, и круто уходящий вверх.

– Быстрее, быстрее, Скайт, торопись, вот он, секретный путь. – Эрминтруда тяжело дышала у него за спиной, будто пара огромных мехов. – Хо-хо-хо, жди меня, Ларк Стерн, Эрминтруда идёт к тебе! Ты первый.

– Я? Нет, Вы, – ответил Скайт. – Эта дыра слишком напоминала ему дымоход, хотя и вела наверх, а не вниз. – Я останусь позади и подтолкну, если Вы застрянете. А если упадёте, – лукаво добавил он, – то приземлитесь на гусиные перья.

– Хорошая мысль, – похвалила Эрминтруда. – Она проскочила внутрь и начала подбём.

Тан медленно обвёл взглядом выжидающие лица. Ларк и Арабелла старательно избегали смотреть друг другу в глаза, но вели себя спокойно.

– Что ж, мы должны сломить власть Эрминтруды, это очевидно, и сделать это можно только с помощью Камня Жизни. Я помню, как однажды, много веков назад, услышал, как она бормотала во сне – что если она потеряет его, и вторая роса высохнет, прежде чем она снова возьмёт его в руки, то станет смертной. Когда Камень Жизни упал тебе на колени, Ларк?

– В прошлую полночь. Я имею в виду ночь перед сегодняшним вечером. – Как будто она могла когда-нибудь забыть такое.

Тан просиял.

– Интересно, который теперь час?

– Снова полночь? – Арабелла перестала дуться и присоединилась к разговору.

– Позже. – произнёс Зис. – Скоро запоют петухи. – И едва он вымолвил эти слова, то же хрипкое «Ку-ка-ре-куууу», что так напугало Эрминтруду, эхом разнеслось по чердаку.

– Это довольно своеобразный петух, нельзя на него полагаться, – сообщила Ларк. – Живёт на ферме и кукарекает, когда вздумается.

– Как бы то ни было, время идёт, – задумчиво проговорил Тан. – Рассвета и второй росы недолго ждать. Пока мы в замке, мы в безопасности. Камень Жизни у Ларк...

– И она не должна держать его только у себя! Мы все должны его охранять! – внезапно Арабелла бросилась к Ларк и попыталась вырвать Лайфстоун у неё из рук.

– Нет, он мой! – Ларк ударила её кулаком в грудь и, сверкая глазами, попятилась вглубь чердака.

Арабелла пошла за ней. Прежде чем кто-либо успел пошевелиться, она схватила Ларк за круглый нос-пуговку, и обе куклы повалились на пол, пинаясь, извиваясь и разрывая друг друга.

– Думаешь, ты такая умная, мисс Деревянные Палочки? Посмотрим, как умно ты будешь выглядеть без своего драгоценного Камня Жизни!

– Ты испорченная, чудовищная, эгоистичная свинья! – выкрикнула Ларк. – И я найду способ лишить тебя жизни!

Слова вылетели из её рта прежде, чем она успела прикусить себе язык. На другом конце чердака разрыдалась Маша, Тан, нахмурившись, стукнул копытом о пол, а Зис смотрел на Луну сквозь мраморный шарик, насвистывая себе под нос какую-то грустную архаичную мелодию.

– Я ... я не это имела в виду, – пробормотала Ларк. Камень Жизни выскользнул у неё из рук, она смотрела, как он катится среди кубиков.

Арабелла тут же подскочила и схватила его.

– Теперь я буду охранять Лайфстоун, тебе явно нельзя доверять! – Она с вызовом повернулась к остальным. – Вы слышали, что она сказала –

ответственности у неё никакой. Что ж, теперь я немного повеселюсь, – и она подбежала к первому предмету, который увидела – сырому, выцветшему Колесу Кэтрин¹, что лежало в углу. Ларк было слишком плохо, чтобы смотреть на то, что вытворяла фарфоровая кукла, но когда та положила Камень Жизни на колесо пыток, среди игрушек повисла напряжённая тишина. Что-то сейчас будет?

Свист, шорох, брызги света, волшебные синие огоньки вспыхнули, мелькая и танцуя в воздухе.

– Оох! – выдохнула Кэтрин. – Ах! – простонала Кэтрин. – Если бы вы только знали, как долго я этого ждала! – Она корчилась и извивалась, а затем поднялась и принялась кататься по полу.

– Прочь с дороги, прочь! – закричала Кэтрин. – Ах, как я буду красива, я – королева, королева! Куда этим жалким голубым искоркам до меня! Смотрите, смотрите, любуйтесь мной, приближается моя слава! – Она катилась всё быстрее, быстрее и быстрее, и в какой-то момент загорелась.

Огни взметнулись к Лайфстоуну, а затем – вуф! – со свистом подняли Кэтрин в воздух, кружась, вращаясь и выпуская миллионы разноцветных звёздочек. – Смотрите, смотрите на меня, – кричала с высоты Кэтрин, – Я прекрасна, я великолепна, я буду царствовать вечно!

Потрясённые игрушки вцепились друг в друга посреди комнаты. В этом

---

¹ Колесо Кэтрин (англ. Catherine Wheel) – средневековое орудие пыток

звёздном вихре не было ничего призрачного или волшебного, не было той душераздирающей красоты, какую показывал Камень Жизни в действии прежде: цвета были грязными, кричащими, маленькие, грубые звёздочки больно кололи, падая, а Кэтрин, в перерывах между своими криками, жутко трещала и хрипела.

– Дрожите, трепещите от моего бесконечного великолепия! – в самом деле, казалось, она так и будет без конца скакать и прыгать среди стропил над их головами. Фейерверк вдруг пронзил ужасающий визг.

– Ах! Ах, что это... что... я падаю, – выдохнула Кэтрин, – неужели, неужели это смерть? Королева... пустоты? Я тону. Вытащите меня! – всхлипнула она.

– Умираю, я умираю! – одна за другой гасли грубые неоновые звёздочки, раздалось глухое шипение и треск, а затем на пол грохнулся обугленный остов – всё, что осталось от Колеса Кэтрин.

Никто не шевелился. Арабелла дрожала всем телом. Зис посмотрел на Ларк. Деревянная кукла побледнела, словно луна, когда произнесла свои ужасные слова, ещё бледнее она была теперь, после этой безумной пляской жизни и смерти. Наконец её ноги зашевелились, как механические, она подошла, подняла Камень Жизни и протянула его Тану.

– Арабелла права, – тихо сказала Ларк, – я безответственна. – Пожалуйста, оставьте его у себя.

– Нет, Ларк, – отвернулся глиняный конь. – Он не для меня.

Словно лунатик, Ларк зашагала к Зису, глядя в его зелёные глаза.

– Пожалуйста.

Он покачал головой, и его непослушные волосы взметнулись в лунном свете.

– Мне негде его хранить, нимфа.

– В твоих кудрях.

– Нет, – мягко ответил бронзовый мальчик, – Он пришёл к тебе, он твой. И ты должна нести ответственность.

Тихий стон вырвался из груди Ларк. Она положила Камень Жизни в свой карман.

– Гхм! – прочистил горло Тан. – Пару минут назад я хотел предложить каждому из нас рассказать историю своего пленения, чтобы, гхм, скоротать время. А поскольку Арабелла, – он мило улыбнулся фарфоровой кукле, – уже успела рассказать нам немного о своей жизни, возможно, она согласится быть первой?

Арабелла вперилась в носки своих туфель.

– Нечего рассказывать. И вообще, я знаю, что вы не больно-то хотите знать.

– Ах, – Маша подбежала к ней и обняла её. – Мы хотим, Арабелла, хотим!

– Пф. – к своему ужасу, Арабелла почувствовала, что вот-вот расплачется – её никогда в жизни не обнимали. – Пф. Тоже мне. Ерунда какая! – Она вытерла нос рукавом из тафты. – Итак, однажды... однажды Луиза разозлилась и сказала, что я слишком идеальна, а затем схватила стеклянный

купол, в котором я была, и разбила его вдребезги о пол. И я была так счастлива! Я думала, она поднимет меня, она будет играть со мной, и она это сделала – почти сделала, но тут вошла её няня, эта ужасная краснолицая тварь, и сказала: «Луиза, у меня для тебя прекрасная новость, твои мама и папа приехали из Лондона, чтобы повидаться с тобой, и они ждут тебя внизу, в карете», и Луиза выбежала за дверь, а Эрминтруда влетела в окно и... схватила меня!

– Древняя Рея, это печальная история, – Зис пересёк комнату и взял её за руку. – Но теперь ты среди друзей, Арабелла, ты найдёшь новый дом, любящего ребёнка...

– И твоё платье износится так же, как моё. Сара, – еле выдохнула Ларк, – полюбит тебя.

Арабелла промолчала, но бросила на деревянную куклу взгляд «давай попробуем ещё раз». Зис повернулся к Тану.

– Поведай нам свою историю, конь Тан, – сказал он.

– Ах. – Они впервые увидели глиняного коня печальным. – Моя история... Я был любимой игрушкой маленького китайского мальчика, но грозная жёлтая лихорадка охватила земли, и Цу-Ма, мой маленький господин, скончался. Согласно нашим обычаям, меня поместили в его гробницу, комнату, вырытую на много футов под землёй – вложили ему в руку, чтобы он не боялся, когда проснётся в Счастливом Запределье, чтобы я был рядом, и он мог играть со мной.

– Ух, тебе не было страшно? – испуганно спросила Ларк.

– Страшно? Почему? Со мной было много других глиняных статуэток, копий друзей и родных Цу-Ма – и я был счастлив при мысли о том, что навсегда останусь с ребёнком, которого любил.

– Даже в гробнице? – недоверчиво посмотрел на него Зис.

– Даже в гробнице, – безмятежно ответил Тан. – Гробница была лишь местом ожидания перед Счастливым Запредельем, куда Цу-ма неизбежно должен был отправиться – и разве не взял бы он меня с собой? Чего же мне бояться?

Что ж, когда его папа и мама, сёстры и братья попрощались с мальчиком в последний раз, над нашими головами вдруг поднялась страшная суматоха: отовсюду доносились ржание лошадей, стук копыт, визг, топот, крики, скрежет колёс, крики возничего. Родные мальчика поднялись по ступеням и вышли из гробницы, оставив дверь приоткрытой всего лишь на мгновение... и в эти несколько секунд Эрминтруда влетела внутрь на своей стальной зелёной метле, выхватила меня из рук Цу-Ма и унесла прочь.

Повисла тишина.

– Ах, Тан, бедный Тан! – Маша бросилась к нему и обвила руками за шею, и конь довольно шумно вытер нос копытом.

– И Цу-Ма, – прошептала Арабелла, – проснулся без тебя.

Ларк слишком стеснялась, чтобы обнять Тана, но подошла и погладила его по

гриве. «По крайней мере, Сара жива, и я знаю, где она, – отчаянно подумала Ларк, – и, так или иначе, я вернусь к ней. Бедный Тан. Мне повезло».

А потом Зис внезапно замер и сказал:

– Какие-то странные звуки доносятся снизу.

Все затаили дыхание и прислушались. Царапанье, скрежет и ворчание, тихо и невнятно доносились до них откуда-то издалека...

– Простите меня! – Маша вцепилась в Тана, не в силах унять дрожь. – Думаю, я не такая уж и смелая, но... это не Эрминтруда?

– Глупости, – ответил Тан так бодро, как только мог. – С тех пор, как она в последний раз вошла в замок, и то, через трубу, прошло почти пятьдесят лет – как же она теперь нашла бы новый путь внутрь?

– Может быть, это вернулись дети с фермы, – предположила Ларк, хотя и сама в это не верила.

– Посреди ночи? – Арабелла выглядела почти такой же испуганной, как Маша.

И вновь раздались шорох, царапанье, сопение, крихтение, царапанье и шорох, шорох.

– Крысы. Крысы или летучие мыши, – заявил Зис, но внутри продолжал думать: деревенские дети, как же они вошли?

– Крысы, бррр! – Маша поёжилась, но выглядела куда спокойнее. – Главное, чтобы это не была Эрминтруда. – ах, такого страха я не испытывала с тех пор, как впервые её увидела.

– Где это было? – быстро спросил Зис – как и Тан, он чувствовал, что чем дальше они останутся на чердаке, тем в большей они будут безопасности.

– В бальном зале русского дворца. У нас в Санкт-Петербурге их много. – Она сделала паузу, прислушиваясь, но все притихли.

– Продолжай, – кивнул Зис.

– Эрминтруда влетела на гусе Скайте через окно, которое было очень высоко, среди мраморных колонн. Бал закончился, танцоры ушли – и я так испугалась, потом что она выглядела просто ужасно... ища... рыская... Одна люстра всё ещё горела, и она нашла меня под стулом из золотой парчи, куда меня запнули танцующие.

– Ооо, – завистливо выдохнула Арабелла. – Ты была на балу!

– Моя госпожа взяла меня. Она спрятала меня под корсажем.

Ларк вытаращила глаза.

– Так твоя хозяйка была взрослой? Ходила на балы?

– Нет, Кате Петровне тогда было четырнадцать, – глаза Маши блеснули. – Она положила меня на грудь, чтобы выглядеть взрослее. Её старая няня сделала меня из множества лоскутков, когда Катя была совсем маленькой, и у неё было много игрушек куда красивее, но она всё равно всегда брала с собой именно меня. Это был её первый бал: прежде её волосы весь день висели растрёпанными – а теперь они были завиты в тысячи кудрей... И я помню, как во мне родилась печаль, когда в эту ночь я смотрела на её платье, печаль совершенно внезапная, которую я прежде никогда не испытывала – я думала о том, что дети растут и покидают нас, потому что мы не растём вместе с ними.

Маша тихо вздохнула.

– Слёзы вещей, – задумчиво проговорил Зис. – Не останавливайся.

– Катины глаза сияют, как две голубые звезды, на ней платье из белой органзы и шёлковые чулки, и я тоже иду на бал, я смогу заглянуть поверх её корсажа! И звенят колокольчики на снегу, и сани несут нас – мать, отца и сестру, закутанных в меха, прямо к ступеням дворца.

Какие ступени! Кажется, что они приведут к самому царю. Вокруг всё белое и золотое, всюду деревья в вазонах, и снуют мальчики с серебряными кубками, и вино, как вечернее солнце. Такие медали, такие косы, такие перья, шелка и драгоценности, сверкают бриллианты, красивые юноши в красном, голубом и золотом, и Катины ноги стучат, стучат в такт, потому что музыка играет так, что невозможно устоять на месте.

Едва мы входим в бальный зал, как юный кадет просит разрешения станцевать, и вот мы идём, мы летим, танцуем и смеёмся, он смуглый и не такой уж взрослый, лет шестнадцать ли семнадцать, а она! Та ли это Катя, что изрисовывает свои школьные учебники? Один поворот в мазурке, и она влюблена!

– Ах, не смейтесь, друзья мои, – Маша ласково улыбнулась игрушкам. – Когда тебе четырнадцать, любовь – это очень серьёзно. Вскоре она забегает за занавеску и вынимает меня из корсажа – понимаете, она хочет быть

честной! Она привязывает меня к турнюру, и они снова танцуют, ведь Иван Иванович не отпустит её, пока бал не кончится, а завтра он придёт в гости к её семье на чашку чая из самовара – но я! Я давно упала с турнюра, мириады ног плясали надо мной, и вот, чья-то нога отправляет меня отдыхать под золотое парчовое кресло.

– И затем пришла Эрминтруда. – вздохнула Арабелла.

– Но Катя, разве она не заметила? За всё это время, так ни разу и не заметила!

– воскликнула Ларк

– Она была влюблена, – улыбнулась Маша и тихо вздохнула. – Позже в моей стране произошла революция, и семьи, как Катина, были стёрты с лица земли. Некоторые бежали, и я надеялась... Эрминтруда часто мучила меня рассказами... Ах, – она бросилась к Тану и зарылась лицом в его гриве. – Пожалуйста, скажите, только скажите, что Катю не расстреляли!

– Я устал, – простонал Скайт. И зачем только он предложил прикрывать тыл! Девять раз Эрминтруда поскальзывалась, и девять раз они соскальзывали вниз до самого дна.

– Теперь уже точно почти пришли, – выдохнула Эрминтруда, – ещё один рывок. Давай, Скайт, толкай.

– И у меня голова раскалывается! – гусь лёгонько подтолкнул Эрминтруду в зад, раздалось исполинское кряхтенье, ведьма изо всех сил подтянулась и наконец протолкнулась.

Она села, свесив ноги через край, и принялась вглядываться в темноту тоннеля внизу, ожидая появления Скайта. Здесь было множество выступов, выдолбленных в камне, на которые можно было ставить ноги, но они были слишком скользкими, а подъём – слишком крутым, и ведьма с гусём совсем перепачкались – правда, в темноте это было не видно.

– И куда теперь? – требовательно спросил Скайт, плюхаясь рядышком с Эрминтрудой.

– Дай подумать. – Буркнула ведьма. – Мы куда-то попали.

– В кухонный шкаф.

– Ну, говорю же.

– Значит, где-то здесь есть дверь.

– Ну, гово... – Было совершенно темно. – Где? – Скайт в испуге присел: первый раз в жизни он слышал неуверенность в голосе Эрминтруды. Могла ли потеря Лайфстоуна повлиять на её целеустремлённость?

Шкаф был очень маленьким, он нашёл стенку и принялся стучать по ней клювом, затем споткнулся о метлу, дверь распахнулась, и они с грохотом вывалились в выложенный плитами коридор рядом с кухней.

Тан ласково прижался к волосам Маши, она вытерла слёзы прядью его волос.

– Мне так жаль, так жаль! – прошептала она. И в этот момент все так и

подскочили, потому что оглушительный грохот откуда-то снизу потряс замок сверху донизу.

Эрминтруда попыталась взять себя в руки и собраться с мыслями. Она чувствовала непонятную слабость при мысли о схватке с деревянной куклой, и это нервировало её. Что ж, она просто прикажет сделать это Скайту – а сама подкрадётся к Ларк сзади и выхватит у неё Лайфстоун, как только гусь её атакует.

– Если бы я была Ларк Стерн, – сказала ведьма себе, – я бы решила, что мы появимся с чёрного хода, и побежала бы к парадному. Поэтому я войду с чёрного, а Скайт пусть встретит её с другой стороны!

Игрушки замерли и посмотрели на Тана. Сердце у Ларк билось так сильно, что она боялась, как бы оно не выпрыгнуло из её груди.

– Давайте встретим её лицом к лицу! – выступил вперёд Зис. – Нас пятеро, Тан и я будем атаковать. Я возьму Эрминтруду, Вы, сэр, гуся, а нимфы побегут между нами.

– Но куда? – дрожащим голосом спросила Арабелла.

– В окно, – сказала Ларк. – Окно, из которого я выпустила Скайта. Но... – она со страхом посмотрела на Зиса, – как же вы?

– Мы сильны и быстры, не беспокойся за нас. К тому же, вторая роса уже близко.

Бело-зелёный глиняный конь выглянул из-за винтовой лестницы.

– Если ты только сумеешь сбежать с Камнем Жизни, сила Эрминтруды будет сломлена.

– А потом? – в отчаянии прошептала Арабелла. – Может, пойдём на ферму и постучимся в дверь?

– Нет, – покачал головой Тан. – Стойте!

Теперь они все слышали шаги Эрминтруды, тяжёлые и медленные, слышали, как она неуклюже взбиралась вверх по первому пролёту.

– К чему рисковать и встречаться с ней, если можно уйти всем вместе через парадный вход? Маша, Арабелла, мы пойдём первыми. Зис, ты сможешь нести Ларк?

– А ему это не нужно, – возмутилась Ларк. – Я вообще-то сама сюда поднялась, забыли? – Она почувствовала на себе холодный взгляд Зиса. – Я пойду вместе с ним.

– Тогда отпустите нас. – Бронзовый мальчик распахнул двери чердака. Шаги Эрминтруды угрожающе приближались.

– Зис, посади Машу и Арабеллу мне на спину. – Мальчик взвалил испуганных кукол на спину Тана, и глиняная лошадь галопом понеслась к парадной лестнице.

– Скорей, Зис! – выкрикнула Ларк, но Зис схватил её за руку.

– Нет, так она нас догонит, она или гусь. У нас есть только один выход. – И он потянул её обратно за дверь – как раз в ту секунду, когда шаги Эрминтруды раздались на лестничной площадке.

– Скиттикинс, ку-ку! Ты уже поймал мне эту ужасную деревянную куклу? – позвала она. Скайт же, отдылавший на полпути к парадной лестнице, вскочил на свои перепончатые латы, испытав сильнейший шок в своей жизни: прямо на него на огромной скорости нёсся бело-зелёный конь с двумя вцепившимися в его гриву перепуганными куклами – должно быть, он спит!

Тан уже почти догнал его, когда Скайт отскочил в сторону через щель в балюстраде и, закрыв глаза, чтобы прогнать страшное видение, полетел прямо вверх в пространство между лестничными перилами, выше, выше, как комета, пока не ударился головой о купол башни, не схватился дико за шаткую люстру и не закачался там, чувствуя головокружение и дрожь и по-прежнему отказываясь открыть глаза. Он услышал, как где-то в конце коридора Эрминтруда хихикает и зовет его.

– Сотри её в опилки, дорогой Скиттикинс, дай ей попробовать на вкус твои сильные крылья, этой воровке моего драгоценного Лайфстоуна, а, леди Деревянная Ножка? Лайф-стоооун, Лайфстоун, Эрминтруда идёт!

Тихо, словно мыши, Ларк и Зис прижались друг к другу в темноте. Эрминтруда подходила все ближе и ближе, неуклюже поднимаясь по ступенькам, и наконец застыла на пороге чердака. Тогда Зис внезапно выскочил из угла и, собрав все свои силы, изо всех сил толкнул Эрминтруду сзади, швырнув её на чердачный пол, и быстро захлопнул дверь. В мгновение ока он упал на колени, и Ларк вскочила ему на плечи.

– Запри дверь! И дай мне ключ.

– Я пытаюсь, – выдохнула Ларк, но замок не поддавался, и они услышали, как с той стороны Эрминтруды, шатаясь, уже поднялась на ноги и, как взбесившийся бык, бросилась к двери, щёлк! – в тот самый момент, когда ключ наконец повернулся.

– Дай ключ и беги!

Как ветер, они помчались по коридору и, завернув за угол, оказались у лестницы. Скайт над ними открыл глаза, побледнел и быстро закрыл их. А затем снова распахнул их: кукла, деревянная кукла Ларк, и Камень Жизни, скорее всего, тоже, становились все меньше и меньше, по мере того, как вместе с Зисом спускалась всё ниже, кружась и кружась внутри башни, убегая прочь прямо у него на глазах.

– Ларк, – пронзительно закричал он, яростно раскачиваясь на люстре. – Ларк, стой!

– Не останавливайся, – прошипел Зис сквозь зубы.

Всё ниже и ниже, круг за кругом, они летели, скользили, прыгали, падали: пролёт, затем ещё один, и наконец они достигли самого низа.

– Сюда, – выдохнула Ларк, – поворачивая влево. – Ах, слава Богу, двери не заперты, – и, бросившись вперёд через всю комнату, они увидели, что и окно было открыто тоже.

– О, Тан, чудесный Тан! – громко рассмеялся Зис, а потом сделал поразительный прыжок, такой высокий и лёгкий, что Ларк подумала, что он никогда не приземлится, но он приземлился, на столешницу у подоконника, а затем опустился на колени, глядя в окно, позабыв о Ларк, о Камне Жизни, об Эрминтуде – обо всём на свете.

– Заря. Я уже не верил, что увижу её снова! – Заря, что моложе рассвета, заря – обновление мира.

– Зис, а как же я? – Она взобралась на ножку, но застряла, он протянул ей руку и поднял её.

Вместе они стояли, глядя сквозь парк. Ларк привыкла к городу и никогда не видела ничего подобного – и это первое впечатление было для неё особенным. Слабые отголоски голубого едва появились, а бледные фиолетовые сполохи ещё даже не стали светом – ни розовым, ни оранжевым, ни зелёным, ни золотым... тающий мрак был обещанием приходящего света для мира, что затаил дыхание в его ожидании.

Затем над горизонтом показалось золото, и на мокрой от росы траве отчетливо проступили следы копыт.

– Вторая роса. – Выдохнула Ларк. – Она пришла!

Скайт вёл напряжённую борьбу с самим собой. С другого конца шато раздавались крики Эрминтруды, переходящие во всхлипывания жалости к самой себе. «Но не в слёзы», – подумал про себя гусь, – «не в настоящие, неподдельные слёзы». За двести лет он никогда не видел, чтобы она хоть раз плакала.

И это были ужасные двести лет, с набегам на детские шкафы с игрушками, с пытками, которым она подвергала своих пленников, а теперь, когда она не могла добраться до своих старых любимцев, вместо них она мучила его.

– Жестоко, жестоко так растолстеть и заставлять носить её на огромные расстояния без травы и почти без мокриц! А как она меня называет, а пинки, щипки, удары, удивительно, что у меня на хвосте хоть одно перо осталось! – Только страх Великого Беспредельного удерживал его рядом с ней, и Скайт этого очень стыдился.

Что ж, теперь он был свободен, у него не было никаких причин спасти её. Он может нырнуть вниз сквозь лестничные пролёты, забраться через дымоход в конце концов, а если повезёт – вылететь через окно Ларк. Он может и он сделает! Он оставит Эрминтроду чахнуть на чердаке, найдёт Ларк, и они станут счастливо жить вместе. Он решительно поднялся на деревянной люстре, покачнулся и снова сел.

Эрминтрода... лишённая своего Камня Жизни, своих любимых игрушек, а теперь и его.

Что плохого в том, чтобы выпустить ее? Она могла бы провести свои последние дни, раскаиваясь на свободе, и, быть может, найти другого гуся.

– Так и сделаю, – подумал Скайт. – И если я не найду деревянную куклу, то просто улечу и умру в глубокой старости на каком-нибудь тихом маленьком фермерском дворе при всех своих перьях. Я уже достаточно взрослый, чтобы перестать бояться Великого Запредельного. – С этими словами он спрыгнул с люстры.

– Скайт, любовь моя, – позвала Эрминтрода, когда он зашлёпал по коридору. – Это ты, мой дорогой утёнок, мой дорогой гусь? Вытащи меня отсюда, моя милая косточка, и мы ещё заполучим Лайфстоун! – Скайт с грустью вырвал последнее хвостовое перо, вставил его в замок, и щёлк – отворил его.

Бам! Она распахнула дверь с такой силой, что Скайт от неожиданности упал. – Впрочем же ты! – завизжала ведьма. – Оставил меня одну сражаться с армией игрушек! Твоя настырная мисс Деревянная Ножка неплохо позабавилась с Лайфстоуном, пока ты прохлаждался там в саду. Целая армия, целая лавина игрушек напала на меня, ты позволил им сбежать!

– Я.. ну... – неуверенно начал было Скайт, но его голос срывался, а на его голове была шишка размером с яйцо, и он боялся, как бы Эрминтрода на неё наступила.

– Эрминтрунда, – сглотнул он. – Я не пойду с тобой. Можешь охотиться за Лайстоуном сама, если хочешь.

– Ты... ты не... ты что? Ты что, не знаешь, что будет, если мы не получим Лайфстоун обратно?

– Знаю, ты станешь смертной, а я умру на фермерском дворе при своих перьях. – Он повернулся и побежал прочь гуськом, но ведьма подскочила и схватила его за шиворот.

– Я разберусь с тобой позже, – прошипела она, таща его за собой по коридору. – Но ты пойдёшь со мной, и мы добудем Лайфстоун, даже если это будет последнее, что мы сделаем вместе.

– Думаю, так и будет, – хихикнул Скайт. – Ай!

Зис и Ларк проследовали по следам копыт через парк, через деревья у ворот и вышли на дорогу. Было на удивление холодно, близился прохладный свежий рассвет, но густой туман предвещал жаркий день: сквозь него они разглядели очертания фермерских построек и быстро побежали к ним.

– Сюда, – пропыхтела Ларк, – ферма вон там! – Они пролезли под воротами, потревожив большую коричневую собаку, которая залаяла, а потом затихла в своей конуре. Ларк побежала и выскочила прямо на чёрного петуха.

Тот был так поражён, что издал крик, заставивший Эрминтроду молнией броситься наверх в башню. Не дожидаясь разрешения, она прыгнула на спину Скайта, ударила его изо всех сил, и он, пошатываясь, помчался вниз. Ларк пригнулась и побежала дальше: впереди она увидела Тана, Машу и Арабеллу, дрожащих на крыльце.

– Ах, слава богу, – сказала Арабелла. – Мы так боялись, что вы не придёте! – Маша выбежала вперёд и слегка приобняла Ларк.

– Я пытался открыть дверь копытом, – начал Тан, – но она не поддалась. Что случилось? – Зис рассказал ему.

– Отлично придумано, – похвалил его глиняный конь; бронзовый мальчик выглядел довольным. – Но я хотел бы, чтобы дети поскорее открыли мне дверь, этот западный климат мне не очень по нутру.

– Что ж... – сердце Ларк подпрыгнуло. Она царапала землю пальцем ноги. – Пожалуй, мне пора идти. Мне предстоит долгий путь.

– Ларкушка, ты не останешься? – встревожилась Маша. – Ты не останешься ради Лотти? Хотя бы ненадолго?

– Нет. Я чувствую, что если не уйду сейчас, то никогда не уйду.

– Ты правда дойдёшь до самого..? Куда? – спросила Арабелла.

– Баттерси. Да.

– Точно, Баттерси. – Фарфоровая кукла не удержалась и шмыгнула носом. – Но как?

– Я пока не решила, – ответила Ларк. – Наверное, пешком. Может, поплыву. Я думаю, я смогу научиться.

– Ларкушка, мне грустно.

– Я буду скучать по тебе, – смущённо произнесла Арабелла.

– Мы все будем, – сказал Тан. – Ты дала нам жизнь. Но этот серый занавес слишком плотный – останься ненадолго.

Зис ничего не сказал. Ларк покачала головой и неловко повернулась к нему.

– Прощай, Зис. Спасибо тебе за всё... за этот рассвет.

– Я пойду вместе с тобой хоть немного.

– Зис, ты не найдёшь дорогу обратно! – заволновался Тан.

– Я не вернусь. Я пойду искать страну своих богов. Ты не пойдёшь со мной, конь Тан?

Китайский конь молча глядел.

– Разве вы не знаете? Если вы снова согласитесь принадлежать кому-то, то потеряете свою жизнь? И ты, Арабелла, и ты, Маша, и ты, Ларк. Камень Жизни не поможет тебе в Баттерси.

– Я знаю, – ответила Ларк. Она словно знала это с самого начала. – Я думала об этом. Но понимаешь, я люблю Сару.

Тан поглядел на них долгим взглядом.

– Я слишком долго был без хозяина, – хрипло проговорил он и постучал копытом в дверь. Она распахнулась.

Двое детей, взъерошенных ото сна, мальчик лет двенадцати и маленькая девочка пяти или шести лет, стояли на пороге в своих пижамах и вытаращились на игрушки. Затем Лотти бросилась вперёд, подхватив Машу и Арабеллу.

– Ах, Филип, это сон! – закричала она. – Какие они милые! А это, как же так, это же кукла Сары! – она потянулась к Ларк, которая тут же соскочила со ступенек. Зис прыгнул за ней.

– 'Mais qu'il est ancient...' ¹ – удивлённо пробормотал Филип, поглаживая Тана.

– Нет, это не сон! – закричал Зис. – А эти игрушки с чердака – ничьи, они только рады найти себе дом. Прощай, Тан, прощай, старый скаун, милая тряпичная Маша и прекрасная Арабелла, прощайте, прощайте!

Но игрушки, как ни старались, уже не могли ему ответить, ведь они согласились снова принадлежать своим хозяевам, и потеряли способность говорить.

– Прощайте, – выкрикнула Ларк. – Будьте счастливы. Ах, будьте счастливы!

А затем со стороны парка сквозь туман ворвались ужасающие хихиканье и вопли – вскрики яростно протестующего Скайта, которого, подгоняя, хлестала, пинала и щипала Эрминтруда.

– Эрминтруда! – Зис побледнел. – И роса на земле ещё не высохла. Скорее, – он сжал руку Ларк. – Бежим, неважно куда, куда-нибудь, просто бежим, не

---

¹ Сколько же ему лет... (франц.)

останавливаясь, бежим, пока не высохнет трава.

Ларк почувствовала, как всё внутри неё леденеет. Она схватила руку Зиса, и смогла пошевелить ногами. Они снова нырнули под ворота фермы и вернулись к дороге. Где-то позади них рёв Эрминтруды перемежался с гусиными воплями.

Из-за тумана, покрывшего землю, как одеяло, Скайт почти ничего не видел: он пролетел несколько ярдов и наткнулся на куст, затем, подгоняемый каблуками Эрминтруды, вновь поднялся в воздух и врезался в дуб. Он камнем рухнул на землю, и ведьма вцепилась в него изо всех сил.

– В прежние времена туман для тебя не был помехой, – проворчала она. – Ты уже не тот, что раньше.

– Да, – пропыхтел Скайт. – Не тот. Мы оба не те. Мы стареем. Пора на покой, – с тоской подумал он о своём фермерском дворике.

– Ерунда, – Эрминтруда изо всех сил старалась говорить бодро. – Ладно, пойдём пешком, пока не выберемся из парка, потом снова повезёшь меня. Выйдем из тумана и поднимемся в воздух, так мы их ни за что не упустим.

– Держись живой изгороди, – бросил на бегу Зис, – тогда они не заметят нас, даже если пролетят прямо над нами. Не слишком быстро, ровной рысью, и тогда ты не будете слишком уставать.

Но Ларк устала, ужасно устала и была очень, очень напугана. Было бы просто ужасно попасться сейчас, когда они прошли через столько всего. Только бы солнце поспешило, только бы оно поскорее нагрело землю своими лучами.

Туман и правда уже начал рассеиваться. Над полями, заливая траву и деревья, появлялось золотое мерцание, поднимались на ноги коровы.

– Прислушайся! – воскликнул Зис. – Всё просыпается.

Оранжевое небо вспыхнуло над их головами, тихо запели в рощах птицы, неуверенно, упражняясь, пока воздух не наполнился ясными, серебряными, уверенными нотами.

– Сколько рассветов, сколько закатов, – воскликнул Зис, с лёгкостью мчась вперёд, – я видел вместе со своим хозяином над Акрополем!

– Акрополем? – выдохнула Ларк.

– Группа храмов, что венчает Афины. Белые, прекрасные. Александр был калекой, и брат часто носил его к ступеням Парфенона, который он очень любил. Тогда мы всю ночь напролёт лежали на волчьей шкуре, мальчик и я, и смотрели, как в небе, одна звезда за другой, восходит Артемида.

– Ты никогда не говорил мне, как Эрминтруда поймала тебя. Может, сделаешь это сейчас, пока мы бежим?

– Отличная тренировка для атлета, – усмехнулся Зис, пытаясь скрыть волнение. Вокруг повисла зловещая тишина.

– Мне много лет, Ларк! Пракситель, величайший из всех греческих скульпторов, сделал меня в год 108-й Олимпиады, и хотя по традиции призом

был лавровый венок, сплетённый из веток окрестного священного дерева, в этот раз лучшему атлету он решил подарить меня. Именно там, на той трибуне в Олимпии, когда я наблюдал за состязаниями юношей, я впервые познал тоску по жизни, с которой, как мне казалось, я и умру... и именно там я впервые увидел Александра.

Его семья привезла его сюда из Афин, и каждый день Тео, его брат, носил его к скамье у края арены. Ах, как сияли глаза ребёнка, когда он наблюдал за атлетами! Как пристально он следил за тем, как напрягается мускул, как он ждал каждого прыжка! Как он мечтал взлететь вместе с диском, копьём, как он желал бежать с самым быстрым бегуном!

Игры продолжались пять дней, а на пятый, когда все состязания – скачки на лошадях, гонки на колесницах, бег, прыжки в длину, борьба, метание диска и копья – закончились, был вручен венок. Со своего места на трибуне я наблюдал за Александром, бледным и печальным, потому что до начала следующих игр оставалось ещё долгих четыре года. Победителем был отважный темноволосый юноша из Фессалии, и когда толпа приветствовала его, а судьи украшали венком, я почувствовал, что хочу, чтобы он обратил внимание на маленького мальчика, хочу... сам не знаю чего.

И это случилось: его взгляд упал на ребёнка, который не мог ни ходить, ни бегать, и, повинаясь какому-то божественному порыву, он побежал через арену и сунул меня в руки мальчика. «Возьми его и поставь над своим очагом; поклянись, что вырастешь таким же сильным и стройным, как он!»

Ах, Ларк, я никогда не забуду глаза Александра в этот миг.

Мы вернулись в Афины, и он упражнялся дни напролёт – дни, когда его тело изнывало от боли, когда текли слёзы, и он больше не мог стоять... а по вечерам Тео относил его в Парфенон, чтобы он лежал всю ночь, глядя на колонны и небо, слушая тишину и вдыхая запах земли, растущей вокруг нас... а потом вновь занималась заря, заливая город, заливая боль, и в небо над Афинами взмывали ласточки... смотри, а вот и ласточка!

Ларк подняла голову и увидела не один, а три или четыре иссиня-чёрных хвоста, скользящих в небе над ними.

– На своих спинах они несут пыль моего города, – сказал Зис. – Может быть. Медленно, но верно, Александр выздоравливал, ноги у него стали крепкими, сильными, а спина прямой, как мраморная колонна. Он начал рыскать по холмам вокруг Афин, смеясь и обгоняя коз, строил лодку, чтобы противостоять капризам лун и приливов, боксировал и боролся со своими друзьями: не было ничего, на что бы он не осмелился.

Когда снова пришло время игр, мы отправились в Элею, и он передал меня под опеку Тео. Но когда его младший брат выиграл скачку, Тео перепрыгнул через ограждение, оставив меня. Как, в момент своей славы, мог Александр вспомнить?

Наступил вечер, толпа разошлась. Я был полон радости за торжество Александра, но был полон и той печали, о которой говорила Маша... и тогда над морем олив появилась Эрминтруда, спустилась и вошла на пустой стадион, словно тёмная, мстительная богиня. Нимфа, я дрожал, видя в эти секунды грядущие столетия тирании!

– Ах, почему, почему, почему Александр не вспомнил о тебе? – чуть не плакала Ларк. – И Катя тоже забыла Машу... и Сара... хотя, она вспомнила, но слишком поздно...

– Дети меняются, – мягко ответил Зис, – они растут. Они перерастают нас.

– Ты, должно быть, очень любишь свою землю, – с трудом выговорила Ларк.

– Не думаю, что смогу идти дальше. Что ты надеешься найти, когда вернёшься?

– Море! – ответил Зис. – Море, острова, свободу... колонны до самого неба. И запахи. Смотри, нимфа, – она проследила за его указательным пальцем, – солнце!

Поднимаясь над далёкими холмами, на горизонте восходило кроваво-красное солнце.

Колени Ларк подкосились, и, обессилев, она повалилась на траву, где растянулась, словно брошенная кем-то грудка палок.

– Она поймает тебя, Ларк, тебя и твой Камень Жизни, ты будешь мертва, как прежде! Вставай, – говорил Зис. – Я понесу тебя.

– Я сражусь с ней... Я смогу её одолеть за десять минут, если только отдохну немного сейчас. Мы можем... одолеть её... вместе, Зис... – Её голова опрокинулась набок, она тихо захрапела.

– Древняя Рея! – Он сомневался, что сможет далеко её унести. «Хвала Зевсу за этот туман, – подумал Зис, – из-за него им приходится держаться земли, чтобы искать наш след. Но когда они взлетят... Если бы только я мог устроить им засаду до того, как они взлетят! Если бы я мог... я могу! Я сломаю гусю крылья.

Крылья... он вспомнил часы, проведённые в маленькой лодке с Александром, когда они наблюдали за полётом чаек, и как среди холмов они провожали взглядом пустелег и куропаток, орлов и голубей. С ужасной тоской он вспомнил ласточек над Афинами.

Но надо остановить Эрминтруду. Он накрыл Ларк пригоршней листьев и попятился обратно, туда, откуда они пришли.

Эрминтруда потеряла Скайта.

Это случилось, когда они шли по просёлочной дороге.

– Единственной, – проворчал Скайт. – И нам долго придётся идти пешком, пока туман не рассеется.

Он бежал и бежал, уткнувшись в землю своим клювом и обнюхивая живую изгородь, а она всё хныкала и хныкала позади, стена по своей старой зелёной метле (которая в тумане помогла бы ничуть не больше), оплакивала Лайфстоун и проклинала всех деревянных кукол на свете, особенно тех, что из Баттерси, а заодно и все туманы и всех гусей, а потом её окутал густой, как суп, вихрь, и когда он исчез, она обнаружила, что вместе с ним исчез и Скайт. Солнце взошло из-за холмов, и на рыдания не было времени – ничего не оставалось, кроме как мчаться вперёд, надеясь на своё чутьё, мчаться среди спящих домов и пробуждающихся дворов. Наконец, где-то вдаль, в поле молодой кукурузы, Эрминтруда увидела белое пятнышко, жадно уплетающее, словно от этого зависела его жизнь.

Трава! Он опять был среди травы! С криком, таким громким, что от него едва не проснулись все мёртвые ведьмы Резе, она протиснулась через изгородь, бросилась через поле и шмякнула его по макушке. Гусь с яростным шипением набросился на Эрминтруду, толкнул в кукурузу и прогнал её вокруг поля четырнадцать раз.

Эрминтруда, дрожа, присела на большой ствол дерева.

Как она смогла принять это ординарное, вульгарное создание, за Скайта, её дорогого Скайта, её обаятельное перепончатопалое чудо? Образы Скайта, пухлого, красивого и белого как снег, каким он был в тот первый день, когда она его нашла, всплыли у неё в голове... и затем произошли две или три странные вещи.

Сначала в груди у неё появилась ужасно неприятная, ужасно сильная боль, словно в горле у неё застрял ком, который она не могла ни проглотить, ни выкашлять, который вообще не поддавался движению; потом глаза начало ужасно щипать – так сильно, что она совсем ничего не видела, а затем у неё потекло из носа. Крупные капли стекали на носки, а когда она подняла руку, чтобы вытереть их, то обнаружила, что у неё мокрые щёки.

– Мётлы и барсуки, роса! Ещё есть время. Только бы я могла найти своего дорогого гуся! Ах, Скайт, дорогой Скайт, моё маленькое перепончатопалое чудо, где же ты? – Она представила ужасные картины Скайта, пойманного в силки на кролика, загрызенного лисой, поражённого молнией или падающего с сердечным приступом, Но что толку в Камне Жизни, что толку в жизни без Скайта?

– Скайт, Скайт... – тихим, как тень, голосом, звала она. – Скайт, где же ты? Это Эрминтруда, твоя любящая Эрминтруда идёт спасти тебя!

– Скайт! – выкрикнула Ларк в тот же момент. Она присела среди листьев.

– Ларк! – сказал Скайт и бухнулся рядышком с ней в лощине. Они смотрели друг на друга, щурясь от яркого солнца.

– Что... Что случилось, где Зис?

– Зис?

– Бронзовый мальчик. Он помог мне сбежать.

– Это с ним ты убежала по лестнице?

– Он помог мне сбежать, – повторила Ларк. – Привет. Рада тебя видеть, Скайт. Хотя и я знаю, что ты на стороне Эрминтруды.

– Вообще-то это не так. По крайней мере... – он почувствовал смятение. Я должен забрать у тебя Лайфстоун, – сказал он с горечью.

– Я знаю, но я тебе не позволю. – Она вскочила и стряхнула с себя листья.

– Тогда мне придётся сразиться с тобой, – сказал Скайт ещё горше.

– Придётся? Какой ужас. Ну ладно, но только у тебя есть клюв и два крыла, а у меня ничего нет. Я должна взять палку, чтобы всё было по-честному.

– Я помогу тебе её найти.

Они отыскали под орешником хорошую, тугую ветку, и Скайт клюнул её пару раз для пробы.

– Место ровное, – сказала Ларк. – Можно начинать.

Они посмотрели друг на друга.

– Разве мы не должны отойти друг от друга на десять шагов?

– Твоих шагов или моих?

– Сделаем каждый свои.

Они отступили от середины лужайки, считая, затем повернулись и снова посмотрели друг на друга. Ларк начала нервничать, она сделала пару отжиманий, вспомнив, как Том говорил, что они укрепляют силу.

– Можно начинать, – повторила она.

– Минутку. – Гусь готовился.

Он начал махать крыльями, сначала медленно, вверх-вниз, вверх-вниз, потом всё быстрее и быстрее, стоя на одной ноге, а потом подпрыгивая на ней, маленькими прыжками, которые становились всё выше и выше; затем он начал кружиться, подсакивая и хлопая крыльями, всё выше и выше, всё быстрее и быстрее, и когда он сделал три полных оборота, гусь раскрыл клюв и издал невероятный каркающий звук – долгий, низкий, скорбный крик,

который постепенно переросли в гоготанье, становясь все пронзительнее и пронзительнее, и чем возбуждённее оно становилось, тем более дикими становились его прыжки и повороты.

Ларк смотрела на него с открытым ртом.

– Просто – вуф! – разгоняю кровь – вуф! – пояснил между прыжками и поворотами Скайт. – Я ужасно устал. А этот крик был для того, кто, вуф, падёт на этом поле. Всё, уже почти готов, вуф, да, готов! – Он бросился на небольшой пенёк, который совсем не поддался, отскочил от него и упал наземь.

Ларк помогла ему подняться, у него жутко кружилась голова.

– Пожалуй, на этот раз обойдусь без разгона крови, – пробормотал Скайт. – Просто начнём, раз, два...

– Нет, подожди, я потеряла свою палку! – крикнула Ларк. – Всё, начали, раз, два...

– Но теперь я не готов, – возразил Скайт. Он действительно чувствовал себя неважно. Гусь присел. – Знаешь, мне кажется, у нас должен быть секундант, судья или что-то такое.

– Давай подождём, пока кто-нибудь не появится, – с благодарностью ответила Ларк. – Может, хоть один пройдёт мимо. Или двое. – Она села рядом с ним, а затем вскочила, будто её ударило током. – Скайт, Скайт, трава! Она почти высохла!

– Что? О, мой клюв и хвост, – гусь тоже вскочил, – Ох-ох-ох, Эрминтруда убьёт меня, лучше бы нам уже начать сражаться!

– Но она ничего не может тебе сделать. Я буду защищать тебя, Скайт. Ты ведь не так уж и испугался, правда ведь?

– Нет, нет, – дрожащим голосом ответил Скайт. – Нет, ни капельки. Нет, я просто выйду на пенсию, как только всё это закончится, я просто улечу.

– Ого, – сказала Ларк, – значит, ты и близко не подойдешь... – и в этот момент в лощину ворвался Зис.

– Зис! – Радостно воскликнула она, подбегая к нему.

– Ларк! – он обнял её. – И гусь! Он тебе угрожает?

Не дожидаясь ответа, бронзовый мальчик подхватил палку и ринулся на гуся. Скайт взвизгнул от ужаса и попятился назад, наскочив на Эрминтруду, которая через два поля услышала его разгоняющие кровь выкрики и бросилась ему на помощь.

– Скайт, моё сокровище! Кто посмел угрожать моему белому перепончатопалому чуду?

Она загородила его собой и оказалась лицом к лицу с Зисом.

– Греческий мальчик! – выдохнула она. – Крепкий орешек, – ведь мучить его было не так-то просто: налитые мускулы никак не ущипнуть, и что толку тянуть его бронзовые волосы?

Зис стоял на месте.

– Ты заткнула землёй мне нос и уши, заклеила глаза, чтобы я не мог ни слышать, ни обонять, ни видеть.

– Так я и сделала, так и сделала. Молодец, грек, молодец! Но теперь, – и она выпрямилась, напомнив ему прежнюю Эрминтруду, – только попробуй дотронуться хоть до одного пёрышка этого гуся, и я брошу тебя в самую горячую плавильную печь в Барроу-ин-Фернесе!

– Эрминтруда, – Скайт топнул лапой. – Ты нам мешаешь. Мы с деревянной куклой как раз собирались подраться, и я уже забыл, из-за чего.

– Скайт, моя драгоценность, я сражусь с деревянной куклой за тебя.

– Но я не хочу этого! – Не мешай, Эрминтруда, уходи. – Он ткнул её клювом в живот, а затем, к его ужасу, так как это на самом деле был совсем лёгкий тычок, старая ведьма ахнула и схватилась за сердце, как будто её смертельно ранили (что на самом деле и произошло).

– Смертельно ранена! – она издала пронзительный, ужасный крик и упала на землю.

Скайт и игрушки замерли.

Боль была для Эрминтруды чем-то совершенно новым, а боль в груди оказалось ужасней, чем она могла себе представить.

– Я умру, от этого, умру! – простонала она. – Скайт, ты убил меня. Ах, я ранена. Я убита!

Скайт был ошеломлён, горд и в то же время страшно встревожен. – Это был просто тычок, я только ткнул тебя, Эрминтруда, – бормотал он снова и снова.

– Пожалуй, я не стану с тобой драться, – сказала Ларк, придвинувшись к Зису, но бронзовый мальчик стоял неподвижно, как камень, всё его внимание было приковано к ведьме.

Эрминтруда дрожала так сильно, что земля под ними дрожала тоже, а все орешники в округе колыхались и шелестели. Из её груди вырвались тихие жалобные стоны, прерываемые внезапными разрывающими землю криками, рёвом глубокого морского дна; казалось, она вся съёжилась, высохла и внезапно сморщилась. Она опустилась на траву, закрыв лицо руками – будто огромная гора раскололась и развалилась на части.

Зис пробежал по траве и осторожно отнял от лица её руки.

– Эрминтруда! – Это был крик удивления и торжества, – он нежно провёл пальцем по складкам иссохшей щеки. – Эрминтруда, ты плачешь.

– Нет. Это роса. Роса ещё выпадает, – всхлинула старая ведьма.

– Нет, роса высохла. Эрминтруда, ты любишь. Ибо невозможно плакать, если ты не любишь!

– Да нет же, говорю тебе, – сплюнула она между рыданиями. – Я ведьма. Я не могу.

– Теперь, ведьма, ты смертна... И потому ты плачешь, Эрминтруда.

Это было правдой, её слёзы текли ручьями.

– Гусь, гусь, всё моё ведьмовство за гуся! Скайт, моя уточка, мой голубок, живи со мной в женском монастыре, я буду чистить тебе клюв, я сяду на диету, я стану носить тебе на плече.

– Но Эрминтруда, женский мо... монастырь мне не подходит, – Скайт начал заикаться. – Я... я хочу жить на ферме.

– Ах, любовь в свинарнике! Тогда мы будем жить на ферме! Будем смертными и будем любить! – Слёзы текли по её лицу, когда она, спотыкаясь, направилась к нему. Скайт вздрогнул и побежал вдоль берега. Он дико озирался по сторонам, но Зис уже взобрался на орешник, и Ларк приросла к своему месту, закрыв собой проход; Скайт попытался было заговорить, но у него ничего не вышло. Гусь откашлялся и поперхнулся. И когда слова наконец вырвались у него из клюва, собственный голос поразил его силой и целеустремленностью.

– Но я не люблю тебя, Эрминтруда, Я не могу пойти с тобой, – вымолвил он. Над ложиной повисла тишина... затем Зис тихо начал напевать грустную, архаичную мелодию – ту самую, что он насвистывал на чердаке.

Старая ведьма страшно побледнела, и Ларк с трудом смотрела на неё. Она чувствовала боль в собственной груди, и никогда ещё так остро не ощущала свою деревянность, даже в самые-самые мёртвые дни. Только её пальцы скрещивались снова и снова над Камнем Жизни, когда она хотела, чтобы гусь передумал, и расходились, когда надеялась, что он этого не сделает.

– Я не могу пойти с тобой, – повторил Скайт, и Эрминтруда, подняв лицо к небу, испустила последний, ужасный крик.

– В монастырь, в монастырь!– всхлипнула она. Обмотавшись ключьями плаща, она повернулась и, пошатываясь, вышла из ложбины.

Высоко в небе разливалось яркое солнце.

Ларк чувствовала, как оно жгло её спину сквозь листья. Она согнула ноги и коснулась травы.

– Сухая, – печально сказала она, – хотя это уже не имеет значения.

Скайт сидел на берегу с закрытыми глазами, а Зис, теперь уже на верху орешника, смотрел на поля.

– Она на самом деле пойдёт в монастырь? – Никто не ответил. – Потому что если пойдёт, у них могут быть гуси. Она может растить гусят. Только разве это то же самое...

– Нет, – сказал Скайт.

– Нет, – сказал Зис.

«Нет», – подумала Ларк. Лотти никогда не будет Сарой. Жизнь такая сложная.

Наконец, Скайт открыл глаза. Он чувствовал себя ужасно, но в то же время переживал новое, удивительное ощущение свободы.

Хотя, не совсем новое. Он смутно помнил его. Да, это было очень похоже на

то, что он чувствовал сотни лет тому назад, когда бродил на ферме среди прочих животных, клевал и гоготал где хотел и когда хотел и занимался своими собственными делами.

Свободен, он был свободен!

Больше никаких щипков, никаких выдергиваний перьев, никаких побоев, мучений или изнурительных путешествий – и столько травы, сколько он захочет. Нет, он не станет сентиментальничать об Эрминтруде, но однажды, после того, как он устроится на ферме, он облетит все монастыри в округе и нанесёт ей летучий визит.

Он слетел с берега, чувствуя себя гораздо лучше.

– Что ты теперь будешь делать, Ларк? – спросил он.

Она ответила, и при мысли об этом её сердце упало.

– А ты, Скайт? Ты сказал, что улетишь... куда?

– С тобой в Баттерси, деревянная кукла, если хочешь. – Он был обязан ей своей жизнью – и, когда-нибудь, своей смертью тоже. А ещё она ему просто нравилась.

– Ах, Скайт, правда?

– Я распушу свои перья, как только ты будешь готова... – и он исчез в зарослях.

– Зис, – она забралась на орешник, где он сидел всё так же, глядя за горизонт.

– Зис, Скайт сказал, что отнесёт меня в Баттерси. Ты пойдёшь с нами?

– Нет, Ларк.

– Но тебе там может понравиться. Сара любит старые вещи, она как Филип. И Том тоже. Может, ты... попробуешь?

– Нет, я буду искать землю своих богов. А ты, ты не пойдёшь со мной? – Она молча смотрела на него, не в силах сказать что-либо от удивления, он схватил её и развернул лицом к себе.

– Ларк, ты потеряешь свою жизнь, а ты ведь любишь жизнь, ты хотела её с того самого дня, как была создана, как ты можешь теперь так просто её выкинуть? Теперь у тебя есть свобода – ты можешь жить, как считаешь нужным, говорить, что чувствуешь, делать всё, что хочешь. На свете так много всего, что можно узнать, и ты никогда не узнаешь, если вернёшься.

– Но я хочу увидеть Сару.

– Ты хочешь принадлежать.

– Я хочу быть с ней. Я хочу домой.

– Принадлежать.

В его голос звучали пренебрежение и какая-то грусть.

– Принадлежать и жить – это не одно и то же. Это не то же, что было у тебя с Таном, Арабеллой, Машей и мной – даже не с Эрминтрудой и Скайтом. Жизнь слишком драгоценна, Ларк. Она никогда не вернётся.

Но она упрямо покачала головой, и Зис пожал плечами. Он выглядел сердитым и разочарованным и, возможно, одиноким.

– Тогда иди, нимфа. И пусть боги сопровождают тебя. Я провожу тебя в путь. Он перекинул ноги через ветку и спустился с дерева, гибкий, как обезьяна, Ларк медленно последовала за ним, чувствуя себя потерянно и подавленно. Жизнь сейчас казалась полной расставаний.

Скайт ждал у подножия дерева. Прежде чем Ларк успела возразить, Зис посадил её ему на спину. Она печально посмотрела на бронзового мальчика и подняла Камень Жизни.

– Что мне с ним делать?

– Верни ему морю, откуда он пришёл. Пусть его вынесет на какой-нибудь берег, – он улыбнулся, – может быть, на колени к другой деревянной кукле. – Его глаза внезапно заблестели от слёз.

– О, Зис, как бы я хотела, чтобы ты пошёл со мной!

– И я хотел бы того же. Ну, иди, – он лёгонько похлопал Скайта по крылу, радуясь, что не сломал его. – Прощай, счастливого полёта, гусь ведьмы, гусь Ларк! – Он взял её за руку, но она не решилась заговорить, и Скайт начал медленно махать крыльями, а затем всё сильнее и сильнее.

– Держись! Держись, Ларк, – крикнул он, и она изо всех сил вцепилась в перья у него на шее, чувствуя чудесное, пугающее ощущение в животе. Он взмыл ввысь прямо сквозь деревья орешника, образовавшие впадину.

– Прощай, прощай! – Зис стоял, прикрыв глаза от солнца, посреди лужайки, на которой они со Скайтом едва не подрались, и махал рукой.

– Если ты ...

– Я ничего не слышу! – крикнула она, и он прижал ладони ко рту.

– Если передумаешь, ищи меня в Парфеноне в полнолуние!

Затем бронзовый мальчик легко подбежал к тому месту, где обронил боевую палку, поднял её и взобрался на берег. Через мгновение он уже был на открытой дороге и, набирая скорость, быстро и уверенно побежал в сторону Афин.

– Скайт, я знаю это место!

Гусь кружил над беспорядочно заросшим парком... да, это была ферма, и не Лотти ли это качала пару кукол, сидя у ворот? А вот Филипп выбежал из коровника, и он нёс что-то в руках с бесконечной осторожностью – Тан, дорогой, мудрый Тан!

А вот, совсем рядом, виднеются шиферная крыша, дымоход и башня...

Скайт опускался всё ниже и ниже, скользя, ныряя, почти замирая в воздухе, и они увидели, как маленький замок, «игрушечное шато» – Замок Ларк – сверкает в лучах жаркого утреннего солнца.

Скайт ещё раз сильно взмахнул крыльями, и они полетели высоко над вязами, направляясь на север, в Англию.

Эпилог

Тук-тук. Затем ещё разок.

Сара резко села в постели. Тук-тук. Она вытянула голову, вглядываясь в темноту, – стук доносился из окна. Тук-тук. Может, это птица пытается попасть внутрь? Что ещё может быть там на такой высоте, на подоконнике эдвардианской пятиэтажки?

Она схватила халат и споткнулась в темноте. Глупо, почему она не включила ночник? Она отодвинула занавеску, и её сердце бешено колотилось.

– Сара, Сара... О, Сара!

Ларк, это была ЛАРК! Её деревянная кукла Ларк, которую она оставила в самом сердце Франции! Кукла прыгала на подоконнике – и, боже, там был гусь, фермерский гусь без хвоста, мокрый от пота и свалившийся без сил рядом с ней.

Девочка отчаянно возилась с замком. Кукла и гусь упали от резкого порыва ветра прямо к её ногам.

– Ларк, как... что... ты замёрзла! Залазь под одеяло. – Она подняла упавшую куклу и закружила её на руках. – О, и ты тоже, – сказала она гусю, который, к её удивлению, выдохнул «спасибо» и поплёлся за ней по полу.

– Сара, – воскликнула Ларк, когда Скайт тяжело поднялся рядом с ней (хотя, всё-таки бестактно было укрываться при нём одеялом из гусиного пуха). – Сара, это Скайт. Ты видела, как он летел над дымоходом. – И в порыве радости и благодарности она прижалась к маленькой девочке, которую боялась больше никогда не увидеть.

Она немного полежала, переводя дыхание.

– О, я просто не могу больше терпеть! – воскликнула Сара. – Я должна всё узнать!

И так, в спешке, прыжках, бегах и остановках, история о том, как деревянная кукла ожила, и обо всём, что случилось в замке Ларк позже, а также о долгом, холодном, путешествии через канал, обрушилась на Сару.

– Вот это приключение! О, Ларк! – закричала маленькая девочка, когда она наконец закончила. – А я только что со школы, и Том перешёл в другой класс, а Лора Браун уехала, и я скучала по тебе, и это было ужасно. Как славно, что ты вернулась! Я никогда, никогда больше не потеряю тебя в своей жизни – и никто не поверит, когда услышит, что ты говоришь.

– Но я не могу остаться, – услышала Ларк свой голос.

– Не можешь... – голос Сары дрогнул. Не можешь? Почему, Ларк?

– Не знаю! – Кукла совсем побелела. Она выглядела такой же потрясённой, как и её хозяйка. – Я сама узнала это только сейчас, в эту минуту. Да, Сара, я хочу жить, и я не могу расстаться с жизнью теперь.

– Но...

– Нет! Разве ты не понимаешь, Камень Жизни потеряет свою силу, если я снова буду принадлежать? Я хочу выбирать и решать сама! Я хочу учиться, узнавать и делиться... И я хочу двигаться, кричать, смеяться и плакать, и петь – я, сама! Зис был прав, – её колени стучали друг об друга под одеялом – Я люблю тебя, Сара, люблю больше всех на свете, но я не могу снова стать вещью. Я не смогу ничего разделить с тобой, от меня не будет никакой пользы, ты будешь расти, но я не буду, потому что со мной ничего не случится, и в конце концов, в конце концов, – слёзы ручьями текли по её щекам, – ты не будешь относиться ко мне как к живой, потому что я ею не буду!

Сара очень тихо сидела под одеялом. Она так часто пыталась представить себе, что это такое – быть куклой, и это было то же самое, что быть ею. Только она чувствовала себя младше Ларк и намного, намного старше. Она твёрдо решила не плакать.

– Сара, – всхлипнула Ларк, – я никогда не думала, что это случится!

– Всё хорошо. Правда, я думаю, всё хорошо. Я понимаю. По крайней мере, ай! – и Сара тоже разрыдалась.

– Ах, боже мой, боже мой, – гусь перелез между ними и неловко похлопал их по очереди. – О, мои клюв и хвост! Ничего, Сара, ничего, я ещё привезу её повидаться с тобой. – Он хотел было предложить в качестве залога своё последнее хвостовое перо, но вспомнил, что его больше нет. Он плюхнулся на подоконник и принялся взбивать перья.

– Куда ты отправишься, Ларк? – Сара вытирала слёзы краем пижамы.

– Мне нужно сделать срочный вылет, – тут же отозвался скит. – В монастырь. Рядом с Резе.

– Сначала в Резе... – Деревянная кукла запнулась. Взглядом, полным горечи и любви, она посмотрела в карие глаза, так храбро смотревшие на неё в ответ. Ей так много нужно было сказать, но она не могла произнести ни слова. Хотя, Сара и так всё знала.

Маленькая девочка изо всех сил старалась улыбнуться.

– Передай мою любовь Эрминтуде, и Замку Ларк, и Зису!

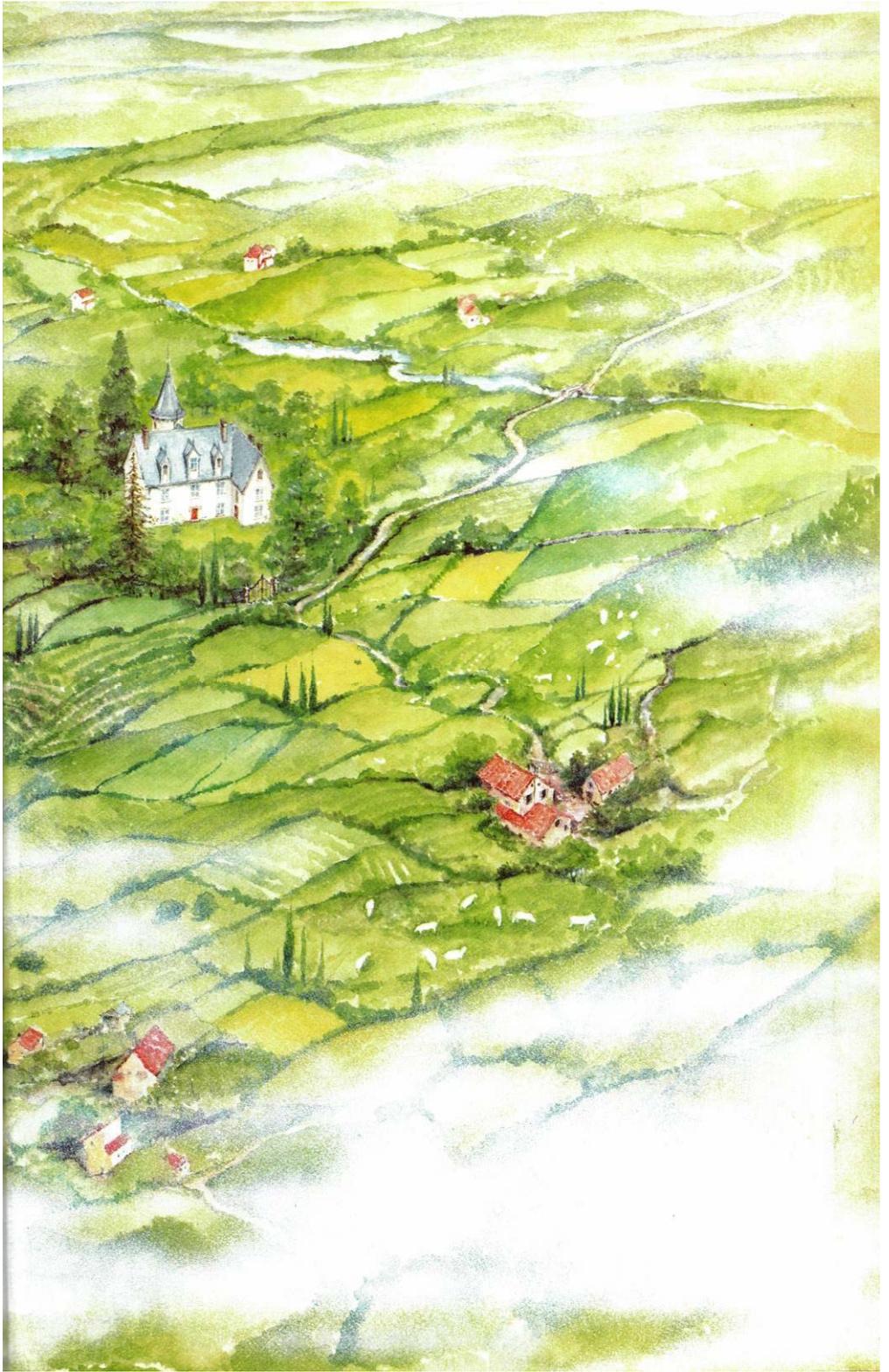
Обхватив Ларк руками, она крепко, до боли обняла маленькую, мокрую от слёз куклу. Ларк стиснула её, а затем Сара осторожно высвободила палец из крепкого деревянного кулачка и перенесла плачущую куклу на подоконник, посадив её на спину ожидающего гуся.

– Не говори «прощай», – прогоготал Скайт, – просто раз, два, полетели! – и, широко взмахнув крыльями, он поднялся в воздух.

Слёзы Ларк летели за ней, как вереница маленьких звездочек... взмывая вверх, падая вниз, омывая деревья Баттерси-парка.

– Я вернусь, я обязательно вернусь! – закричала она, и она вернётся, она знала, но она вернётся живой, и когда она повернулась, чтобы помахать рукой, она улыбалась, улыбалась и плакала, глядя на маленькую девочку, которая высунулась из окна спальни в своей пижаме, высунулась так далеко, как только могла, глядя, как они, гусь и кукла, кукла и гусь, становятся все меньше и меньше, как они уплывают от неё и наконец исчезают среди тёмных силуэтов лондонской ночи...

Замок Ларк

До того, как Камень Жизни упал через дымоход прямо ей на колени, Ларк была всего лишь деревянной куклой – но теперь она ощутила переполняющую её радость бытия и невероятное счастье быть живой. Ларк ещё не знала, что в ту же секунду, как ей была подарена жизнь, она стала заклятым врагом Эрминтруды, злой ведьмы, а это было очень и очень опасно...

Замок Ларк – красивая и поэтичная сказка с чудесными иллюстрациями, вторая книга Сюзанны Йорк (первой была «В поисках единорогов»), известной актрисы, сыгравшей в более чем сорока фильмах, среди которых такие классические ленты, как «Том Джонс», «Человек на все времена», «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?», а также «Видения», за который она получила приз Каннского фестиваля за лучшую женскую роль. Сюзанна Йорк также много работала на телевидении и играла главные роли в лондонском, нью-йоркском и парижском театре.

£6.95 net in UK
HODDER AND STOUGHTON

ISBN 0-340-33425-8

9 780340 334256